НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

«Председатель Совнаркома». *Художник Раевская-Рутковская В. А.*

ВЫСТАВКА ОТКРЫТА!

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Написать впечатление о выставке, на которой представлены работы более тысячи художников,— дело немыслимое. А если быть точным, в выставке «Советская Россия» принимают участие 1 217 мастеров. И все же даже беглый осмотр этой грандиозной выставки вызывает много радостных чувств и мыслей о нашем современном искусстве. Бросается в глаза поистине огромное количество полотен, принадлежащих кисти ранее неизвестных тебе художников. А уже сам по себе этот факт свидетельствует о большом успехе молодежи.

Молодежь принесла с собой на выставку светлое ощущение жизни, радостные краски и чуткое внимание к нашему героическому современнику.

Думается, например, что посетители выставки обратят внимание на картины молодой художницы И. Шевандроновой «Выставка скоро откроется» и «Идет репетиция». Они очень просты, задушевны и по-настоящему современны.

Я говорю об этих работах отнюдь не потому, что они являются самыми лучшими на выставке, — равных им немало. И все же представляется, что они в какой-то мере типичны для творчества нашей художественной молодежи. С одной стороны, они говорят о том, что молодые художники плодотворно ищут применения своим силам в теме современности, а с другой — что они растут год от года, от картины к картине.

И радостно, что на открытии выставки и министр культуры РСФСР А. Попов, и крупнейшие наши мастера С. Герасимов, Б. Иогансон, В. Серов с такой искренней радостью говорили об успехах молодежи.

Выставка, расположившаяся в Манеже, поистине величественна. И каждый — самый придирчивый посетитель, несомненно, найдет здесь работы, близкие своему сердцу. Открытие выставки «Советская Россия» — праздник нашего народа, его искусства, его культуры. Этот праздник особенно знаменателен тем, что он предваряет открытие Первого съезда художников Российской Федерации. Думается, что выставка «Советская Россия» послужит прекрасным материалом для творческого разговора на их первом съезде. Пусть же этот разговор будет таким же глубоким, интересным и ярким, как эта многообразная выставка!

Сергей БАРУЗДИН

НАШ ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР

Вчера в Центральном выставочном зале в Москве открылась художественная выставка «Советская Россия», организованная Министерством культуры РСФСР и Оргкомитетом Союза художников РСФСР. Наш корреспондент обратился к председателю Оргкомитета народному художнику СССР В. Серову с просьбой рассказать читателям о выставке.

— Впервые за все годы, — сказал В. Серов, — устраивается такой грандиозный творческий отчет художников. Мы помним экспозиции художников Москвы и Ленинграда, отдельных областей или автономных республик, но никогда еще не было показа творчества художников всей Российской Федерации. Здесь размещено около двух с половиной тысяч произведений живописи, графики и скульптуры. Из 62 творческих организаций, объединяемых Оргкомитетом Союза художников РСФСР, представлены 57.

Если бы вы знали, какая упорная и длительная работа предшествовала нашему сегодняшнему празднику! Когда был создан наш Оргкомитет, призванный подготовить и провести Первый съезд художников республики, мы решили устроить такой смотр творческих сил, который наглядно показал бы и нынешнее состояние изобразительного искусства Российской Федерации, и потенциальные возможности его мастеров. Была задумана выставка, которая раскрыла бы важнейшие этапы борьбы нашего народа за социалистическую революцию и сегодняшний день его жизни.

На местах выставочные комитеты отбирали лучшие произведения. Вот вам еще одна красноречивая цифра: выставочные комитеты просмотрели более тридцати тысяч работ, из которых пятнадцать тысяч было отобрано для экспозиций на местах.

Все, что вы здесь видите, создано за последние два года. И это несомненное доказательство массовой творческой активности художников. Современная тема заняла центральное место в экспозиции. Здесь немало интересных работ, рисующих нашего современника— созидателя и творца, человека, наделенного всем богатством мысли и чувства. Выставка в целом еще раз убедительно демонстрирует жизненность метода социалистического реализма.

Характернейшая черта выставки — обилие новых имен, здесь очень много молодых художников — им принадлежит более тридцати процентов экспонатов.

— Не можем ли мы на минуту забыть о том, что вы — один из организаторов выставки, и попросить вас назвать произведения, которые лично вам как художнику представляются особенно интересными?

— Вот вопрос, на который я не могу ответить. Здесь так много вещей чрезвычайно интересных с моей точки зрения, что я смог бы назвать вам 200—300 работ, а назвать, скажем, пятнадцать из двух с половиной тысяч — отказываюсь. Эта выставка тем и ценна, что она представляет собой огромный целостный организм, а не экспозицию, где есть десятка два хороших работ, а остальные присутствуют, как говорится, для подвески. Поэтому позвольте мне дать общую характеристику выставки, которую я считаю очень интересной по идейно-художественному уровню, разнообразию творческих индивидуальностей и тематической разносторонности.

Хочется особо подчеркнуть, что на этой выставке, открывшейся в дни, когда мы отмечаем знаменательную дату 90-летия со дня рождения В. И. Ленина, во многих произведениях воплощен бессмертный образ великого вождя, отражены жизнь и борьба нашего народа, идущего под руководством партии по ленинскому пути.

— Я хотел бы в заключение отметить,— сказал В. Серов, — что каждый участник выставки, все художники Российской Федерации, вынося сегодня на суд общественности и всего нашего народа свое творчество, будут с нетерпением ждать строгой, взыскательной и, как всегда, доброжелательной оценки. Ведь смысл нашего труда заключается в постоянном и верном служении родному народу, строящему коммунизм.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 46 (4171) | Суббота, 16 апреля 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

ЧИТАЯ ЛЕНИНА...

Борис ГАЛИН

Девять страничек

Я давно мечтал увидеть записную книжку Владимира Ильича с теми заметками, которые Ленин вел в один из декабрьских вечеров двадцать первого года на совещании беспартийных крестьян — делегатов IX Всероссийского съезда Советов. Нынче, в марте, мне представилась эта возможность.

Учиться у быстротекущей жизни, учиться у людей не всякий умеет. Ленин умел. Люди — рабочие, крестьяне, инженеры, ученые, писатели, — люди труда при встречах с Ильичем чувствовали его прямоту, искренность, заинтересованность и потому шли к нему с открытой душой.

«Надо сказать, — говорит в одной из своих статей Надежда Константиновна, — что сам Владимир Ильич умел всегда по отдельному слову, отдельной фразе, по брошенному собеседником замечанию сразу ухватить настроение». Крупская вспоминает, как в дни IX съезда Советов Ленин попросил М. И. Калинина устроить ему совещание крестьян. «И вот Владимир Ильич, — рассказывает Крупская, — придя на это собрание... сидел в уголке и внимательно прислушивался к тому, что крестьяне говорят».

Такая встреча давала Владимиру Ильичу замечательную возможность еще лучше и еще глубже изучить настроение деревни. Совещание как бы продолжало начатый на съезде деловой разговор о неотложных мерах, способных поднять производительные силы крестьянского хозяйства.

Ленин выступал на совещании трижды, каждый раз очень кратко, подчеркивая, что его дело как можно подробнее записывать, чтобы знать истинное положение вещей.

Громадный интерес представляют записи Лениным выступлений крестьян. Я думаю, каждый поймет то удивительное чувство, то волнение, которое разом охватило меня, когда я увидел — вот они передо мною! — девять страничек в клетку. Владимир Ильич сам пронумеровал эти небольшие, в ладонь величиной, странички с записями.

Я не спеша вчитываюсь в эти «с ходу» сделанные Владимиром Ильичем заметки. Какое поразительное умение выхватить самое главное, самое ценное из выступлений крестьян, приехавших в Москву из далеких и глухих углов России!

Он внимательно слушал и записывал.

В первом своем выступлении он ведь так прямо и сказал делегатам: «Мое дело здесь, как я понимаю, больше слушать и записывать».

Он предложил выбрать те вопросы, которые крестьяне считают самыми важными, «а я буду записывать каждое заявление, которое с мест делается».

В воспоминаниях делегата от Костромской губернии отмечается:

«Каждый говорил о своем уезде, чуть не о своей деревне... уж очень наболело у всех на душе... Получился шум, как на волостном сходе».

Владимир Ильич заносил на листки все самое живое, острое, что так волновало крестьян, — и по вопросу о трудгужповинности, и особенно по земельному вопросу. Он сжато, иногда одной строкой, заносил на свои листки самое существенное из выступлений делегатов.

Иногда Владимир Ильич берет в кавычки острое, живое крестьянское словцо.

(«Мутокаются, дела не делают»).

Или вот его запись выступления делегата из Сызранского уезда по поводу трудгужповинности — строчки так и брызжут веселой иронией:

«Работу в праздник заставляют делать, а **соль** не выдают «из-за праздника»!!».

Новая запись:

«бумажная волокита; от нее избавиться

(Твер[ская] губ.)».

«Больно много объявляют двух- и трехнедельников».

И по этой живо и сердито сказанной фразе, кажется, можно увидеть и самого крестьянина, и слушающего его Ленина.

Из Симбирской губернии делегат сказал, и Ленин записал его слова: «Буржуев уничтожать нетрудно и хорошо».

Развивая свою мысль, крестьянин подчеркивает необходимость добиваться, чтобы труд был свободным.

В выступлениях делегатов сквозила тревога за положение вещей в деревне и вместе с тем чувствовалось понимание политики партии, их горячее желание добиться улучшения, подъема в сельском хозяйстве.

«Налог путь правильный», — записал Владимир Ильич слова крестьянина из Корочанского уезда Курской губернии.

Из Тульской губернии делегат сказал:

«Леса свели.

Надо бы лес развести».

«**Екатеринб**[ургская] **губ.** Красноуфим[ский] у.

....Уничтожить чересполосицу.

В совхозы посадить местных людей».

«**Пенз**[енская] **губ.** О мелиорат[ивных] работах».

Порою Владимир Ильич тут же сбоку делал пометки: «для СНК».

Из Екатеринбургской губернии делегат посоветовал:

«Башкирские земли не обработаны. Рядом лежат.

«Нельзя ли приступить к ним».

Читаешь сейчас эту ленинскую запись крестьянского выступления, и невольно думаешь — не о целине ли идет речь?

И как же внимательно Ленин слушал! Слушал как-то по-особенному, по-своему: вскинув голову, повернувшись лицом к делегату, положив руку на записную книжку, он так и тянется к человеку: улыбнется острому, меткому слову и, склонившись над бумагой, быстрым четким почерком занесет услышанное в свои листочки.

...Эти девять листков — одно из драгоценнейших свидетельств ленинского умения пристально вглядываться в жизнь, вслушиваться в то, что массы говорят, чем они интересуются, что их волнует в данный «текущий момент».

Вот эту особенность пристально вглядываться в жизнь выделяют в своих воспоминаниях современники Ленина. Есть, например, у А. В. Луначарского мастерский набросок слушающего Ильича:

«Надо было видеть, как слушает Ленин. Я не знаю лица прекраснее, чем лицо Владимира Ильича. На лице его покоилась печать необычайной силы, что-то львиное ложилось на это лицо и эти глаза, когда, задумчиво смотря на докладчика, он буквально впитывал в себя каждое слово, когда он подвергал быстрому, меткому дополнительному допросу того же докладчика».

А ведь таким, внимательно вбирающим в себя все идущее от жизни, Ленин был и на совещании крестьян-делегатов, и на рабочем собрании, и на съездах партии, и на заседаниях Совнаркома, где решались крупнейшие государственные вопросы.

Читала Надежда Константиновна одну рукопись, в которой описывалась жизнь Ленина в селе Шушенском, и были в рукописи такие слова, подчеркивающие скуку в ссылке: «нудно» шла жизнь... Дойдя до этого места в рукописи, Надежда Константиновна будто в сердцах воскликнула:

«Это у Ильича-то! Он жаждющими глазами вглядывался в жизнь, страстно любил он жизнь — с крестьянами толковал, дела их вел, наблюдал, деревню изучал».

А ведь по двум этим словам — жаждющими глазами! — мы можем представить себе Ленина, в котором ключом била жизнь и который так великолепно умел наблюдать действительность в ее многогранности, находить в ней, как говорит Крупская, созвучные своим переживаниям ноты...

И вот сейчас, когда я бережно перебираю эти девять листков, когда я снова и снова читаю сделанные ленинской рукой короткие записи из выступлений крестьян, мне кажется, что я вижу самого Ильича. «Жаждющими глазами» вглядывается Ленин в картины жизни, которые рисуют перед ним крестьянские делегаты, пришедшие к нему зимним декабрьским вечером двадцать первого года...

«Ах, хорош мужик, хорош!»

В апреле 1920 года один питерский рабочий, хороший знакомый Горького, был на приеме у Владимира Ильича и подробно рассказывал Ленину о действиях своего продотряда в деревне.

После беседы о делах хлебных, — так записал в своих воспоминаниях питерский рабочий,— Владимир Ильич радостно сказал: «Сейчас был Горький, и если хотите видеть своего приятеля, то вот вам адрес». От Ильича мы направились к Горькому. Поздоровавшись с нами, Алексей Максимович возбужденно-радостно сообщил: «Был сейчас у Ильича и говорил с ним о практической работе советского строительства, теперь начну организовывать для этой цели интеллигенцию». Пожимая нам руки, он все время стыдливо-радостно твердил: «Ах, хорош мужик, хорош! Ведь хорош, товарищи?! Как мы мало его знали!». Мы засмеялись...».

Пять лет спустя в письме к ректору Института востоковедения Горький так вспоминал о своих встречах с Владимиром Ильичем:

«Я слишком часто обременял его в те трудные годы различными «делами» — гидроторф, дефективные дети, аппарат для регулирования стрельбы по аэропланам и т. д., — великолепнейший Ильич неукоснительно называл все мои проекты «беллетристикой и романтикой». Прищурит милый, острый и хитренький глаз и посмеивается, выспрашивает: «Гм-гм,—опять беллетристика».

Но иногда, высмеивая, он уже знал, что это не «беллетристика». Изумительна была его способность конкретизировать, способность его «духовного зрения» видеть идеи воплощенными в жизнь. Много еще будет сказано, написано об этом человеке».

Начало см. «Литературную газету» от 14 апреля. Продолжение в следующих номерах.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ИНСТИТУТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вчера в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР состоялась научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.

С докладом «Ленинский принцип партийности литературы» выступил доктор филологических наук В. Щербина.

Доктор филологических наук Я. Эльсберг сделал доклад: «Русская действительность в произведениях В. И. Ленина и изображение ее в русской литературе».

АТОМ—ЧЕЛОВЕКУ

Атомный ледокол «Ленин», синхроциклотрон на 680 миллионов электроновольт и синхрофазотрон на 10 миллиардов электроновольт, исследования в области энергии будущего — термоядерной энергии, применение радиоактивных изотопов в промышленности, сельском хозяйстве, медицине — обо всем этом рассказывают стенды выставки «Атом для мира». На ней представлены огромные достижения Советского Союза в использовании атомной энергии для мирных целей. Сейчас эта выставка, пополненная рядом новых стендов, прибыла в Ригу. На ее торжественное открытие пришли ученые, инженеры, руководящие работники республики во главе с первым секретарем ЦК КП Латвии А. Пельше и председателем Совета Министров республики Я. Пейве.

Открытие в Риге выставки «Атом для мира» было приурочено к началу совещания по внедрению радиоактивных изотопов и ядерных излучений в народное хозяйство СССР, которое сейчас проходит в столице Советской Латвии.

— До сих пор на различных конференциях рассматривались вопросы применения изотопов в научных целях, — сообщил начальник управления по производству и использованию радиоактивных изотопов Главатома при Совете Министров СССР П. Савицкий. — Нынешнее же совещание впервые ставит на широкое обсуждение проблемы промышленного использования изотопов и ядерных излучений.

На пленарных заседаниях и секциях будет заслушано около 150 докладов и сообщений. На совещании будет обобщен и опыт ученых и производственников Советской Латвии.

Советский Союз показывает странам мира пример сотрудничества в области применения атома для мирных целей. Пройдет две недели, и выставка «Атом для мира» отправится за границу, чтобы на этот раз в столице Италии продемонстрировать мирные намерения нашей страны, убедительно призывающей к использованию атомной энергии на благо человека.

РИГА. (Наш корр.)

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

«Вести из деревни». *Народный художник СССР В. Серов.*

ЗА ДРАМАТУРГИЮ ГЕРОИЧЕСКОГО ЗВУЧАНИЯ!

12—14 апреля в Центральном Доме литераторов состоялся II пленум правления Союза писателей СССР. В течение трех дней шло заинтересованное, серьезное, острое обсуждение вопросов драматургии театра, кино и телевидения. Сегодня мы рассказываем о нем.

УТВЕРЖДАТЬ КРАСОТУ ЖИЗНИ

Жизнь и драматургия, богатство нашей эпохи развернутого строительства коммунизма и ее отражение в театре, кино и телевидении — вот та главная проблема, которая волновала участников пленума.

Как добиться того, чтобы наша драматургия успешно шла по главной линии развития, отражая героический труд, замечательные свершения нашего народа, — к этому вопросу с разных сторон подходили все выступавшие. Ведь, как правильно заметил народный артист СССР **М. Царев**, нас интересуют не задворки, не улочки, не домишки и не слезливые истории, а героическая жизнь советского человека. Это основное.

И участники пленума подчеркивали необходимость для каждого советского художника иметь ясную идейную позицию, партийную точку зрения, с высоты которой только и можно осмыслить всю глубину и сложность процессов нашей действительности. Драматург, как и всякий художник, должен глубоко знать жизнь народа. Это первое условие настоящего творчества. Однако порой связь с жизнью понимается весьма формально, ограничивается короткими загородными экскурсиями.

Яркий пример такого эпизодического «вторжения в действительность» привел в своем выступлении сценарист **А. Каплер**, рассказавший о том, как тридцать кинодеятелей были вывезены директором крупной московской студии в совхоз «Горки-2»: мы приехали туда. Навстречу нам вышел директор, и первые слова его были: «О боже!» Оказывается, что мы были четырнадцатой экскурсией в совхоз за этот день. Естественно, и вопросы и ответы носили необязательный до комичности характер.

Конечно, такого рода несерьезное знакомство с действительностью мало что может дать писателю. И, как верно заметил А. Каплер, недостаточное понимание и проникновение в процессы, происходящие в нашей жизни,— основа той серости, которую мы часто видим на экране и на сцене.

Именно глубокое постижение действительности и дает возможность драматургу правильно нащупать острые и глубокие драматические коллизии, увидеть важные закономерности за отдельным частным фактом, порой даже за сухими столбиками цифр. Об этом очень точно сказал драматург **С. Алешин**, споря с утверждением, что, мол, цифры не уложишь в пьесы.

Что выражают цифры экономического эффекта при переходе к более современным типам электростанций? Ведь это все судьбы человеческие. Это ломка характеров, ломка биографий. Надо быть начисто оторванным от жизни, чтобы не увидеть за этими великолепными цифрами конфликтов.

Именно в опыте жизни, в критерии самой художественной практики — залог правильного решения сложных драматургических проблем. Этот принцип получил на пленуме свое убедительное подтверждение.

Об опасной тенденции возрождения бесконфликтности, которая прозвучала между прочим в статье Г. Мдивани «Вопреки правде жизни», опубликованной в «Литературной газете», говорили на пленуме многие. Но самое убедительное, самое сокрушительное опровержение этой теории было в выступлении драматурга **Ю. Чепурина**, показавшего на конкретных жизненных примерах, вынесенных им из недавних поездок по стране, что старое и новое порой борются между собой не только в столкновениях разных людей, но и, подчас в душе одного человека.

— Я не согласен с товарищами, которые даже пытаются ставить вопрос о возможности построения драмы без острого конфликта, — заключает Ю. Чепурин. — В этом основном вопросе я разделяю мнение А. Анастасьева (автора статьи «Драма и современность»), который где-то допускает неточные формулировки, но правильно ставит проблему.

(Окончание на 5-й стр.)

Пленум Центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР

15 апреля состоялся пленум Центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР. Пленум избрал председателем ревизионной комиссии С. Н. Голубова, заместителем председателя — Г. Д. Гулиа.

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

☆ **22 апреля — 90 лет со дня рождения Владимира Ильича. Ленину посвящены статьи Б. Галина, И. Тауфера, Г. Рыклина.**

☆ **Вчера открылась выставка «Советская Россия».**

☆ **Отчет о пленуме правления Союза писателей.**

☆ **Как быть с кочевниками?**

☆ **В блокнот фантаста.**

☆ **Учитель и ученик.**

☆ **Продолжается дагестанская декада.**

☆ **Фильм «Иванна» обличает...**

☆ **Новые произведения А. Вознесенского, В. Киселева.**

☆ **Франция—Россия. Статья А. Моруа.**

☆ **Встреча узников Бухенвальда.**

☆ **Новые экспонаты нашего «Литературного музея».**

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

«Паренек влюблен в свою работу». Офорт. (Из серии «Колхозные будни»). *Художник Глуховцев А. Е.* (Краснодар).

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ГЕОГРАФИЯ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ»

Так называлась заметка писателя А. Хорунжего, в которой ставился вопрос о распространении в стране книг и журналов на национальных языках («Литературная газета», № 141 за прошлый год).

Член коллегии Министерства связи СССР тов. В. Сажин сообщил редакции, что министерство считает выступление газеты правильным. Для изучения опыта розничной продажи национальных периодических изданий в московском книжном магазине № 100 организована продажа журналов 13 союзных и 4 автономных республик, в частности украинского «Перца», белорусского «Вожыка», татарского «Чаяна». Опыт этот себя оправдал, и в дальнейшем, при увеличении розничных тиражей национальных журналов, «Союзпечать» организует их продажу и в других городах страны.

Читателям-москвичам небезынтересно будет также узнать, что в столичных магазинах «Союзпечати» теперь можно приобрести республиканские газеты.

О ТЕХ, КТО КОЧУЕТ

В. САПОЖНИКОВ

ЯГЕЛЬ растет медленно. За три месяца скупой тундровой весны крохотное бледно-зеленое растение поднимается лишь на один сантиметр, и на старое пастбище олени могут вернуться лишь десять лет спустя. И зимой, и летом стада в движении — идут и идут с одного места на другое. С ними идут люди, они со стадом зимой — в пургу и мороз, летом — под тучами гнуса и под проливными дождями. Эти люди — пастухи-оленеводы, кочевники.

Кочевники? Разве они еще есть? — спросят нас. В статье Большой Советской Энциклопедии сказано, что кочевничество в СССР как социально-экономическое явление ликвидировано.

Началом статьи и заголовком мы не хотим спорить со статьей БСЭ. На месте эвенкийских, юкагирских стойбищ — всюду возникли поселки. На улицах увидишь автомашину, велосипед, вечером из окон домов брызжет электрический свет. В поселке колхоза «Турваургин» мы смотрели кино в добротном клубе, брали свежие журналы в библиотеке, играли в детском саду с краснощекими ребятишками.

Как-то мы зашли в дом нашего хорошего друга юкагира Николая Трифоновича Трифонова. Он читал вслух газету. Его жена, хлопоча у стола, слушала. В уголке сидела над тетрадками их дочь. Было тепло, уютно, как в обычном сельском доме.

Так живут колхозники Севера в поселках, но мы хотим поговорить о тех, кто вместе со своим жилищем-ярангой кочует по безбрежным просторам тундры за оленьими стадами, промышляя зверя. В поселках они не бывают долгими месяцами. Как можно определить образ жизни этих странников северных лесов и тундры? Впрочем, дело не в названии. В жизни этих людей есть много такого, что не может не вызвать серьезных раздумий.

***

В одну из оленеводческих бригад богатейшего на Колыме колхоза «Турваургин» мы приехали под вечер. Бригадир Василий Петрович Яголовский встретил нас у входа своей палатки, сердечно, с достоинством пожал нам руки. Лицо у Василия Петровича молодое, с крепким северным загаром. В живых темных глазах соединяется юношеская живость и уравновешенность человека, немало пожившего.

По северному обычаю, не расспрашивая, кто мы и зачем приехали, он открыл перед нами полог палатки, пригласил войти. На полу — оленьи шкуры, в углах — груды меховой одежды, мешки с продуктами, посуда. Вместо окна — отверстие вверху палатки, прикрытое куском стекла. По привычке мы поискали глазами стулья, кровати, но все сидели на шкурах в верхней одежде.

Мы уселись за низенький столик, и нам сразу подали крепкий, как горчица, чай. Жена Василия Петровича Екатерина Ивановна хлопотала около железной печурки, готовя вкусно пахнущую оленину.

За чаем Василий Петрович расспросил нас о дороге, о собаках, на которых мы ехали, о новостях в поселке. Мы невольно вспомнили шишковских героев — из народов Севера. Как непохожи были на них Василий Петрович и Екатерина Ивановна с их спокойным чувством собственного достоинства, сквозившим в каждом слове и жесте! Они впитали его вместе с самим воздухом нашей страны, новой жизни... Но и старое не ушло еще окончательно. Спать легли, не раздеваясь, укрывшись верхней одеждой из оленьих шкур.

— Зачем кровать? Так теплее,— сказал хозяин. — А как повезешь ее на нартах?

Да, на нартах не повезешь при перекочевках ни стула, ни кровати, ни ванны — даже самое необходимое.

Мы прожили три дня в палатке Василия Петровича. Работа, еда, сон — вот и все, из чего состоят сутки пастуха-оленевода. Мало этого, очень мало для человека!

В разных местах Якутии мы встречали тех, кто кочует за оленями и зверем. Пожалуй, жизнь их всюду одинакова. Книга, радио, разумные развлечения — редкость в палатке кочующих, а ведь это то, что делает жизнь интересной, полноценной, красивой. Очень не хватает в ней культуры. И это тревожно.

***

Мы рассказали Василию Петровичу о спутниках, о том что, может быть, скоро человек полетит к звездам. Слушал он с жадным любопытством ребенка, удивлялся.

Наша страна выпускает книг больше, чем в других странах мира. Наверное, нигде нет более стройной и широкой научной и политической пропаганды, чем у нас. И тем более невероятно, что кочующий тундровик остался за пределами элементарных знаний.

Оленевод-охотник оторван от стационарных очагов культуры, клубов, школ, библиотек. Поэтому были созданы красные чумы — передвижные клубы. Работники чумов должны демонстрировать фильмы, читать в ярангах и палатках лекции, учить малограмотных, помогать улучшить быт, доставлять газету, журнал, книгу. По замыслу, красный чум—очень нужное учреждение, и если бы он стал постоянным спутником в жизни тундровиков, его работники принесли бы огромную пользу. Но он не стал таким спутником. В колхозе «Турваургин» есть один чум на девять оленеводческих бригад и 30 охотников. Бригады кочуют на расстоянии многих сотен километров друг от друга, и чум может появиться в каждой на три-четыре дня раз в полгода, иногда и еще реже.

Что при этих обстоятельствах может дать тундровикам красный чум? Практически — ничего. Тундровики посмотрят два-три фильма, полистают привезенные журналы, удивятся какой-нибудь услышанной новости, потом чум опять исчезнет на многие месяцы...

А нужны ли вообще красные чумы при такой организации их работы? Мы часто слышали этот вопрос, и он, на первый взгляд, кажется не таким уж нелепым. Действительно, не напрасно ли тратятся усилия людей ради гомеопатических доз культуры, которые они могут дать? Но ставить вопрос так — значит совсем отвернуться от человека, который кочует. Что же делать? Как приобщить кочующих оленеводов к большой культуре страны?

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красные чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропагандиста, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

Удивительная несообразность: в век атома и спутников учреждение культуры передвигается на собаках! Уж очень ненадежный это сподвижник культуры. А почему бы не переселить красный чум в кабину вертолета? Тогда сразу преобразилась бы его работа, красный чум успевал бы за стремительным движением века.

Дорого? Государство не жалеет огромных средств на развитие культуры. Тем более нельзя допустить, чтобы те, кто кочует, оставались на обочине!

***

Мы много говорили о жизни тех, кто кочует, с председателем колхоза «Турваургин», депутатом Верховного Совета РСФСР Николаем Ивановичем Таврат. Он сам постоянно думает об этом и делает все, что в его силах.

— Да, культура кочующих пока низка, — с болью в голосе сказал он. — Но яранга есть яранга. Электричество в нее не проведешь и телевизор не поставишь. Яранга и кочевье — необходимость. Песца возле поселка не добудешь, и на одном месте десятки тысяч оленей не прокормишь. Кочуют в Якутии многие, и не только в Якутии — на всем Севере страны, прибавьте еще пастухов Казахстана, Ставрополья — это тысячи людей, и надо серьезно думать, как приобщить их к культуре. Должна быть не временная кампания, а широкое наступление на яранги.

А пока яранга держится в тундре прочно. Мой отец кочевал всю жизнь и до сих пор в поселке жить не любит. Не хочет ставить печку в яранге, предпочитает дымный костер. Нужна большая, умелая работа с человеком, чтобы освободить его от старых представлений.

А вот объективные причины. Наш колхоз имеет доход 3 400 тысяч рублей. Мы могли бы давно купить для оленеводов и охотников легкие передвижные домики, где можно было бы поставить кровать, стол, стулья и раз и навсегда выбросить яранги. Но нет таких домиков!

Можно было бы изготовить специальную легкую мебель — узкую кровать, невысокий стол и стул, посуду — все это сразу бы повысило культуру быта кочующих.

В палатке Василия Петровича нет радиоприемника, нет их ни у одного оленевода. На Севере радиоприемник не купишь — не завозят. Очень плохо планирует завоз товаров Министерство торговли РСФСР — я видел целые горы этих приемников в магазинах электрифицированных сел в центральной полосе, где они не нужны. Разумеется, их там не покупают. Почему их не привозят нам?

Нам очень нужен вездеход. Он сделал бы революцию в жизни кочевников. За месяц на вездеходе мы объехали бы все оленеводческие бригады, побывали бы у охотников, возили бы им все необходимое: книги, газеты, кино. Мы могли бы сменять оленеводов, скажем, через каждые три-четыре месяца, и они перестали бы быть кочевниками. Здесь, в поселке, мы организовали бы школу для малограмотных, молодые учились бы на курсах. Но мы не можем купить вездеход, мешают какие-то искусственные препятствия.

Да, яранга еще не ушла из нашей жизни. Война с ней не доведена до конца!

Возвращаясь к статье в БСЭ, мы соглашаемся, что кочевничество как социально-экономическое явление ликвидировано. Но остались еще яранга и люди в ней. Из яранги раз и навсегда ушли нищета, бесправие, шаманство, но к тем, кто идет за стадом, не пришла еще большая культура.

Неразрешимых проблем в нашей стране нет. Есть проблемы, которые ждут своего решения. И жизнь тех, кто кочует, — одна из таких проблем.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА в лицах

НА ПОЛПУТИ

ПО МЕРЕ приближения к финишу ценность каждого очка и пол-очка неуклонно повышается, и это не может не сказываться на напряженности борьбы. Однако если напряженность возрастает неуклонно, то творческая ценность партий может видоизменяться скачкообразно, зигзагом. Так, например, великолепная одиннадцатая партия матча, сыгранная на уровне бессмертных мировых партий, является, на наш взгляд, лучшим пока творческим достижением матча. Оба противника играли ее с удивительной изобретательностью, и вполне заслуженной является победа Таля, виртуозно создавшего нарастающую атаку в положении, где казалось что худшее для черных миновало.

Затем противники отдыхали три дня... и очередная, двенадцатая партия оказалась испещренной обоюдными ошибками и неточностями.

Впервые в матче встретился «регулярный» ферзевый гамбит в одной из самых острых своих разновидностей, именуемой защитой Тарраша. Чемпион мира, игравший белыми, по дебюту переиграл своего опасного противника и добился четкого позиционного перевеса.

Чрезвычайно рискованно, не считаясь с опасностями, Таль перебросил обе ладьи для прямой атаки на короля, резко ослабив при этом собственные тылы. По всей вероятности, азартная игра черных должна была опровергаться стратегически при всех сохранившихся на доске фигурах. Чемпион мира, однако, предпочел испытанный путь упрощений, подводивший его в этом матче не один раз. Таль немедленно «вылез» и примерно выравнял шансы.

Затем чемпион мира допустил ряд ошибок, и Таль мог несложной, хотя и эффектной комбинацией, немедленно выиграть партию.

Однако случилось чудо: при достаточном количестве времени Таль — впервые в этом матче! — упустил красивый тактический удар, заканчивавший борьбу. В обоюдном цейтноте оба противника играли далеко не лучшим образом. Таль вполне мог, продолжая атаку, выиграть две пешки и оказаться в ферзевом окончании не с минус-, а с плюс-пешкой. Но и эта возможность осталась неиспользованной. После размена ладей возник ферзевый конец с лишней пешкой уже у Ботвинника. В день доигрывания претенденту все-таки удалось точной игрой уйти от поражения. К середине матча счет стал 7:5 в пользу претендента.

Итак, половина изнурительной марафонской дистанции пройдена, и можно делать кое-какие творческие и спортивные выводы.

Обычно диагносты, «шахматные пророки», ошибаются и начинают сокрушенно каяться в своих ошибках. На этот раз такого не случилось, и значительная группа «предсказателей» разгуливает с гордым и самодовольным видом.

Что успела показать половина матча?

Что чемпион мира с прежней виртуозной точностью разыгрывает начало и конец партии, что он по-прежнему является несравненным аналитиком и отличным мастером подготовки. Но — и это чрезвычайно серьезное «но»! — ясно также, что Ботвинник на пятом часу игры утомляется так, как никогда не утомлялся раньше. На пятом часу сила чемпиона мира резко падает, он сам ощущает это — и теряет свою обычную, железную уверенность в себе. Он начал тяготеть к простейшему техническому решению любой позиции, а это — опасный дефект для шахматного бойца.

Что нового успел показать нам Таль? Во-первых, он совершенно разрушил созданную журналистами легенду о Тале — «фанатике жертвы».

Многократно, особенно в начале матча, Таль радовал своих сторонников многогранностью, необыкновенной широтой и разносторонностью игры. Оказывается, Таль умеет терпеливо «отсидеться» в худшей, пассивной позиции и добиться ничьей в кропотливом, трудоемком окончании.

Оказывается, Таль умеет великолепно играть цельные позиционные партии (например, одиннадцатую!) и является одновременно зрелым мастером эндшпиля... Словом, Таль показал, что он — гроссмейстер огромной практической силы.

Основных недостатков у Таля два: порой он несколько легкомыслен, а порой — легкомысленно-упрям. Стремясь «опровергать застывшие каноны», как и полагается молодому художнику, Таль порой сваливает в ту же кучу и железные шахматные законы, отнюдь не подлежащие ревизии. Однако ясно, что у Таля есть еще огромный запас практической силы, есть резерв, есть возможность дальнейшего совершенствования.

13-я партия оказалась несчастливой... для зрителей. В английском начале, сделав всего 16 ходов, противники согласились на ничью. Она устроила Таля, имевшего запас в два очка. Частично устраивала она и Ботвинника, который как-никак играл черными. Зрителям же придется подождать 14-й партии, которая состоится сегодня.

Евг. ЗАГОРЯНСКИЙ

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

«Мирная профессия». *Скульптор Клещевников Ю. П.* (Свердловск).

Памяти Владимира Маяковского

В Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный 30-летию со дня смерти В. Маяковского.

С краткой речью на вечере выступил гостящий в Советском Союзе известный американский писатель Альберт Кан. Для всякого человека, сказал он, который имеет сердце и ум, Маяковский был титаном, он был символом именно того нового мира, который воздвигнут в вашей стране.

Об огромной популярности творчества Маяковского во Вьетнаме говорил в своем выступлении аспирант филологического факультета МГУ Хоан Нгок Хьен.

Воспоминаниями о совместной работе и встречах с поэтом поделились друзья В. Маяковского—писатели Виктор Шкловский и Виктор Перцов. Тепло встретили собравшиеся выступление сестры поэта — Людмилы Владимировны Маяковской.

ЛГ в мире науки

Идеи, проекты, гипотезы

В БЛОКНОТ ФАНТАСТА

Наиболее ретивые поклонники научной фантастики порой договариваются до того, что пылкое воображение литератора может-де сварить неизведанные пути реальных исканий. В действительности происходит обратное: трудолюбивые жюльверны в дерзновенных устремлениях науки своих дней находят те счастливые зерна нового, которые прорастают под их пером. И Жюль Верн, и Уэллс, как известно, шли по следам науки своего времени. «Наутилус» в ином, более скромном, но вполне реальном обличии, иже погружался в глубины океана, когда прославленный французский фантаст впервые взял в руки перо, чтобы начать рассказ о похождениях капитана Немо. О чудодейственном влиянии гормонов уже упоминалось на пироговских съездах русских врачей, когда Уэллс писал свою «Пищу богов»...

Самый изобретательный выдумщик—это жизнь!

Доказательства этого ежедневно приходят к нам из лабораторий. Любое из них могло бы стать искрой, способной воспламенить самый невероятный, фантасмагорический сюжет. И вот, к примеру, несколько мелочей, произвольно выхваченных из грандиозного потока поразительных фактов, ошеломляющих выводов и великолепных догадок, которыми ежедневно одаряет нас великая кудесница наших дней—всемогущая и вездесущая наука.

***

Где предел возможностей самой совершенной «физиологической» машины, какой является человеческий мозг? Перспективы развития мозга безграничны, но и на том уровне, на каком он находится в настоящее время, мы не используем, вероятно, всех заложенных в нем возможностей. Об этом нам напоминает жизненный опыт выдающихся деятелей всех времен и народов—оптимистический пример, который призывает нас к лучшему использованию тех способностей, которые в нас проявляются.

В полной ли мере нам удается воспользоваться, например, реальной емкостью нашей памяти? По-видимому, нет, и на это нам указывают попытки электрического воздействия на так называемую интерпретационную, или толковательную, область, занимающую на поверхности больших полушарий головного мозга часть обеих височных долей.

Ученые столкнулись с поразительным фактом: оказалось, что если воздействовать на эти участки слабым электрическим током, в сознании человека пробуждаются, казалось бы, безвозвратно утраченные воспоминания. Оживают случайно слышанные, забытые мелодии, возникают давно угасшие мысли...

В каких глубинах подсознания хранились эти картины, представления и звуки давно минувших дней? Как научиться вызывать определенные воспоминания, рационально используя таким образом необъятную кладовую памяти? Ответы на эти вопросы еще не подоспели...

***

Организм и среда! Великие русские естествоиспытатели прошлого, начиная от Докучаева и кончая Вернадским, сражались за правильное материалистическое понимание взаимодействия организма и среды. Но как же узко, как бедно порой истолковывают картину этих сложных связей... Внедрение в биологию химии и физики с их тончайшим исследовательским инструментарием и строгими методами исследования, не оставляющими места для произвола домыслов, не только не сузили, но, наоборот, колоссально раздвинули возможности биологического эксперимента.

Давно ли считалось непререкаемой истиной утверждение, будто живые существа лишены «магнитного чувства»? И действительно, примитивный наблюдательный опыт свидетельствовал, что у нас словно бы и впрямь нет органа, способного непосредственно воспринимать воздействие магнитного поля (мы оставляем в стороне зрение, представляющее собой механизм восприятия электромагнитных колебаний определенной частоты, — но это нечто другое). Однако не обманывали ли нас субъективные ощущения? Биофизик заведомо не может примириться с мыслью о том, что такая грандиозная и всеобщая сила со всеми ее непрерывными изменениями в масштабе проволочки от батарейки карманного фонаря так или иначе не сказывалась бы на течении жизненных процессов. Это тем более трудно допустить, что, как известно, нормальная физиологическая деятельность всегда сопровождается электромагнитными явлениями в клетках и тканях. И что же?..

...Человеку в состоянии гипноза внушают определенные зрительные образы: тихое лесное озеро, цветы на лугу... Но вдруг этот образ искажается, как на экране испорченного телевизора, подергивается туманной дымкой, разрушается и исчезает. Что произошло? А это к одному из высших центров больших полушарий головного мозга, заведующему формированием зрительных образов, поднесли постоянный магнит, забаву школьника! Магнитное поле непосредственно повлияло на течение нервных процессов в коре больших полушарий мозга.

На кафедре высшей нервной деятельности Московского государственного университета вам могут показать поразительный опыт создания у рыб стойкого рефлекса на такой раздражитель, как... тоже невидимое, неощутимое, незаметное постоянное магнитное поле. Рыбки приучаются по сигналу магнита приплывать к месту кормления.

Отправляя своих героев в космос, писателям стоит поразмыслить над новыми горизонтами, которые открывают подобные опыты. Ведь, возможно, магнитные поля, с которыми человеку предстоит встретиться в космосе, не чета земным.

Только ли воздействия магнитной «среды», которые до недавнего времени недооценивали биологи, оказываются небезразличными для живых организмов? Вероятно, недалеко то время, когда мы будем слушать метеорологические известия и прогнозы не только, чтобы узнать — нужно или не нужно взять с собой зонтик. Биофизикам становится все яснее, что изменения электризации атмосферы и колебания земного магнетизма, связанные со вспышками солнечной активности, могут заметно повлиять на множество химических и биологических процессов. Ученые начинают задумываться, почему ревматики ощущают приближение изменения погоды задолго до того, как эти изменения проявятся колебаниями температуры и влажности. Может быть, не так далеки от истины французские врачи, которые на основе обширной статистики доказывают прямую причинную связь между учащением случаев инфаркта и появлением солнечных пятен. Известно, что наступление инфаркта тесно связано с состоянием ионных зарядов в клетках мышц, а ведь от солнечной деятельности зависит электрическое состояние атмосферы. Ученые прошлого высказывали на этот счет много догадок. Они подкрепляли их ссылками на тот несомненный факт, что толщина годичных слоев деревьев зависит не только от количества осадков и температуры, но и от динамики солнечных пятен. Деревья непосредственно реагируют на циклы солнечной активности. Впрочем, одно дело — открыть какое-нибудь явление, и совсем другое — выяснить его механизм и обнаружить его причины. Это было слишком сложно для ученых прошлого века. Это нелегко и сейчас.

Но если начинать с веществ более простой структуры, не обратиться ли к разгадке глубоких причин загадочных нарушений процесса изготовления искусственного волокна, с которыми время от времени приходится сталкиваться производственникам? Есть основания полагать, что эти нарушения непосредственно зависят от колебания электрического потенциала атмосферы, а в конечном счете эти колебания восходят к динамике солнечной активности.

Похоже на то, что мы зависим от своей среды и ее изменений в гораздо большей степени, чем думали об этом прежде...

***

Если этот взлет научной фантазии представляется чрезмерно высоким, уводящим в далекие межпланетные просторы, над которыми пока еще властвует лишь дерзкий познающий разум, вернемся на Землю, а еще точнее, на недавний Международный конгресс ботаников, которому были предложены работы двух индийских ученых Сингха и Паниаха. Эти работы были встречены со смешанным чувством недоумения и восторга. Каждое утро индийские ученые устраивали специально для одного из водяных растений типа элодеи двадцатипятиминутный концерт. Они наблюдали под микроскопом изменения, которые происходили в протоплазме листьев под действием музыки, и обнаружили полное соответствие жизненных ритмов развития растения и музыкального на него воздействия. Аналогичным исследованиям была подвергнута мимоза. Мимоза «озвученная» в полтора раза превзошла по интенсивности роста выращиваемую в тишине.

Музыка и рост растений! Наука поистине может научить удивляться.

О. ПИСАРЖЕВСКИЙ

ПРИНОШЕНИЯ

ПОЗДНО вечером в квартиру позвонили. Вошли две дамы.

— Мы из родительского актива 4-б. Вы, конечно, догадываетесь, зачем мы пришли, — привычно начала одна из них.

Догадаться было нетрудно: приходили они почти перед каждым праздником и всегда с одной и той же целью. Как выражалась моя соседка, они «собирали на учительницу».

— Мам, опять не дашь, да? — спросил меня мой сын, стоявший тут же и с надеждой глядевший на пришедших...

Зная, что я никогда не даю денег на подарки учительнице, он попытался однажды сам исправить положение. Как-то раз, вернувшись из школы, он заявил:

— Мы с Борькой решили сами сделать учительнице подарок. Выпилим ей шкатулку из полированной фанеры. Правда, здорово будет?

Достали они лобзик, раздобыли фанеру и весь вечер просидели, переводя из альбома на фанеру рисунок шкатулки. Но до выпиливания дело не дошло. Через день сын вернулся из школы мрачный.

— Да ну еще — не будем мы ничего делать!

— Почему? Что случилось?

— Кроме нас, никто из ребят делать ничего не хочет. Все говорят: родители опять будут деньги собирать и чего-то покупать. А что нам с Борькой — больше всех надо? Чтобы потом говорили, что мы к учительнице подлизываемся?..

И теперь он смотрел на меня умоляюще. Мне стало жаль его, да и вообще надоели бесконечные споры, которые я вела каждый раз с этими «активистами». Я достала деньги и поспешно сунула их одной из женщин.

Да, все знают, что это плохо. Об этом уже писали. И не раз говорили на школьных педсоветах и партсобраниях... А они, «активные мамы», все ходят! Из года в год, из праздника в праздник. Одна такая мамаша заявила директору школы: «Если мы хотим учительницу отблагодарить — это наше дело. И никто нам не может запретить!» Правда, бывают такие случаи: купили мамаши дорогую хрустальную вазу и принесли ее учительнице прямо домой — так та их так устыдила, что они впредь никогда уж не отваживались являться к ней с приношениями.

Но, к сожалению, не у каждой учительницы хватает «характера» по-настоящему пристыдить «мам».

— Некоторые мамаши идут на всевозможные хитрости,— рассказывала мне Елена Петровна, классная руководительница моего сына.— Как-то в один из праздников преподнесли мне ребята в классе огромный букет цветов. Взяла я его — чувствую, слишком уж он тяжел, всунуто что-то между стеблями. Взглянула на родительниц — глаза опускают. А ребята такие радостные, праздничные, говорят мне добрые слова. Что было делать?.. Довели меня ребята до дому, а дома разобрала я букет, смотрю — сверток: отрез на платье. Руки мне обожгла эта тряпка. Валяется вон до сих пор в шкафу — дотронуться мне до нее противно. И ведь сколько раз я с этими матерями разговаривала, просила их этого не делать, объясняла, что они этим не радость доставляют учителю, а горе, — не понимают!

Елена Петровна была не первой и не единственной учительницей, от которой я слышала эти слова. Очень многим учителям доброжелательные мамы отравляют праздники. Учителям... А детям?

Как-то мой сын приглашал одноклассников на день рожденья. Позвал он и Славу.

— Не пойдет он к тебе, — сказала Славина мама.

— Почему?

— Потому что твоя мать — дура!

— Почему это она дура? — обиделся сын.

— Учительнице на подарок и рубля не дала ни разу, а рожденье справлять, небось, не скупится!

...На следующий день короткий диалог этот стал известен в классе, и многие ребята перестали с моим сыном разговаривать, а девочка, с которой он дружил, сказала, что дружить с ним больше не будет, «раз у него такая мать», и пересела от него на другую парту. На день рожденья тоже почти никто не пришел.

Однажды к празднику сын мой готовил приветствие Елене Петровне. Он все четыре года был отличником, лучшим учеником в классе, активным звеньевым, и совет отряда поручил ему приветствовать Елену Петровну и вручить ей подарок. Это была большая честь, и сын очень гордился. Торжество должно было состояться сразу после уроков. А перед последним уроком собрались в школу «активные» мамы.

— Как! — возмутилась одна из них. — Почему вручать будет Соколов, когда мать его вообще не участвовала? Где же справедливость?

«Справедливость» восторжествовала. Соколов не «вручал». Это сделал другой мальчик, мама которого «внесла» больше остальных. Правда, он был очень растерян и чего-то стыдился. И приветствие читал по бумажке. И был он вовсе не отличник и не активный пионер. И ребята сидели очень удивленные и притихшие. Но какое все это имело значение? Торжество состоялось, подарок вручен, мамы сияли. А когда уходили домой, Слава сказал сдерживающему слезы Соколову:

— Понял? Отличник! Скажи своей матери, чтоб не была такая скупердяйка!..

Это уже другая сторона медали. И неизвестно, что здесь важнее: отстаивать достоинство советского учителя или ограждать наших детей от мещанства, ханжества и пошлости, которые впитываются в них из-за таких вот мамаш. Впитываются исподволь и незаметно.

На первый взгляд, все эти истории с подарками учителям могут показаться частным случаем, незначительным пустяком — стоит ли так шуметь об этом?.. Стоит! В нашей жизни, к сожалению, еще нередко приходится сталкиваться с различными проявлениями мещанства. И вот такое отношение к учителю, к благодарности за его титанический великий труд — одно из этих проявлений. И мимо него нельзя проходить спокойно!

И. СОКОЛОВА

Новости литературы и искусства

Рассказывает Елизавет Воробей

«ШУМ рукоплесканий возвестил об окончании первого отделения концерта. Все поднялись с мест, притопывая, похлопывая себя, чтобы согреться. Встал и Владимир Ильич.

Он надел шапку, постучал кулаком о кулак, потом обернулся и увидел нас с мамой.

— А, Елизавет Воробей, — окликнул он меня тем прозвищем, которое мне дали, когда я была девочкой...»

Это — из воспоминаний Елизаветы Драбкиной, старого члена партии, дочери известного партийного и военного работника Сергея Ивановича Гусева.

Е. Драбкиной есть что вспомнить. Она с отцом и с матерью часто бывала на квартире у Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Часто встречалась с Лениным на собраниях, в Кремле, выполняла отдельные его поручения. Так, например, однажды она по его просьбе приготовила ему выписки из статьи Энгельса «Кавалерия».

Интерес Владимира Ильича к этой статье был не случаен. Он в ту пору очень много занимался военными делами и, в частности, конницей. Е. Драбкина вспоминает об одной беседе ее отца, Сергея Ивановича Гусева, с Владимиром Ильичем:

«Отец с увлечением рассказывал ему о том, как Буденный, конница которого тогда только что была создана, хитро водил по степным просторам свои полки. Как он описывал круги и восьмерки, заставляя преследовавшего его противника голодать и изнывать от жажды, в то время как его люди и кони были всегда накормлены и напоены».

Надо отметить, что Елизавет Воробей умела слушать, умела замечать самое важное и интересное. А кроме всего этого, Елизавет Воробей хорошо, умно рассказывает. Ее «Золотая осень» — ценный вклад в сокровищницу воспоминаний о вожде, таком родном и дорогом для всех нас.

Старые большевики, люди, которые работали с Лениным, часто встречались с ним, знали его близко, дорисовывают в своих воспоминаниях портрет Владимира Ильича. Штрих за штрихом. И такие характерные для Ленина штрихи!

Сергей Иванович Гусев вместе с дочерью засиделись поздно в Кремле, на квартире Ленина. Весь вечер разговаривали об армии, о гражданской войне, о событиях на фронтах.

Поздно. Пора уж было уходить. Но...

«Но тут Владимир Ильич, лукаво посмотрев на Надежду Константиновну («Разрешит? Не разрешит?»), сказал:

— А что, Сергей Иванович, если нам воспользоваться тем, что вы здесь и работать все равно уже не будете, позвать сюда Красикова...»

Догадайтесь, читатель, зачем в такую позднюю пору Владимиру Ильичу понадобился Красиков?

Вспомните, какие тяжелые дни переживала в это время страна, партия. Деникин подходил к Туле. На съезде английских консерваторов выступил Черчилль с информацией о том, что Антанта готовит смертоносный удар по русской революции. Вот-вот должно начаться наступление на Москву армий 14 государств. В самой Москве орудовало белогвардейское подполье. Из всех щелей вылезали спекулянты и мошенники. Уже спекулировали даже домами. Уже какой-то прохвост купил Дом союзов у прежнего хозяина этого здания.

Зачем же в этот вечер вождь пролетарской революции пригласил к себе товарища Красикова, старого большевика, одного из видных деятелей нашей партии? Вот послушайте:

«— А что... если нам... позвать сюда Красикова и немножко помузицировать?»

Позвонили Красикову. Жил он в Кремле и минут пять спустя пришел со своей скрипкой.

«Владимир Ильич сидел, откинувшись назад и прикрыв глаза левой рукой. Видно было, что он весь превратился в слух...»

Коротко о том концерте, по окончании которого Владимир Ильич окликнул автора, назвав ее Елизавет Воробей.

Дело было в нетопленом зале Московской консерватории, оркестранты в шубах и шапках. Дирижер — в свитере. Публика — в пальто, шапках, платках.

«Прямо передо мной место было свободно, а следующее кресло занимал человек в шапке-ушанке, отделанной черным мехом. Воротник пальто был у него поднят».

Это был Владимир Ильич. Он сидел, не шелохнувшись, поглощенный музыкой.

«Владимир Ильич слегка пошевелился. По его движению я поняла, что он старается устроить поудобнее левое плечо, из которого еще не были извлечены эсеровские пули».

Итак, эсеровские пули, Деникин, Черчилль, антисоветские заговоры, голод, холод и... много, очень много музыки.

Чем это объяснить? Крепкой верой в силу рабоче-крестьянской власти, в победу пролетарской революции. В то время, когда интервенты подсчитывали сроки падения Москвы, Ленин спокойно заканчивал свою лекцию «О государстве», читанную им в «Свердловке», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу мы в следующих лекциях вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы разъясните народу всю правду, если откроете перед ним всю душу Советской власти, голодные русские рабочие совершат чудо и в борьбе против хищников всего мира спасут Советскую Россию. Это будет чудом, но это чудо совершится...

Страна в ту пору жила с винтовкой в руках. Ленин напряженно работал. Когда он отдыхал? Когда спал?

«Чуть ли не каждую ночь у нас, в номере «Лоскутной», в темноте раздавался настойчивый звонок «вертушки» (так называли телефоны внутренней связи Совнаркома). Отец вскакивал, брал трубку — и только и слышно было: «Хорошо, Владимир Ильич... Записываю, Владимир Ильич...», а едва уснешь — снова звонок».

Первое мая 1919 года. Ленин на Красной площади произнес речь. Он спускается с трибуны, но его остановили и протянули ему лопату. Дело в том, что день Первого мая был объявлен днем древонасаждения.

Владимиру Ильичу вручили тоненькую липку. Он бережно поставил ее, засыпал ямку землей, полил водой. Потом он обратился с краткой речью к собравшимся. Он говорил о светлом будущем:

— Мы не увидим этого будущего, как не увидим расцвета деревьев, которые сегодня посажены; но это время увидят наши дети, его увидят те, кто переживает сегодня пору юности...

Хорошо, задушевно рассказывает Елизавет Воробей. И читатель благодарен ей за этот хороший задушевный рассказ.

Г. РЫКЛИН

Е. Драбкина. «Золотая осень». «Новый мир». № 4. 1960.

*** ВОСПОМИНАНИЯ Е. ДРАБКИНОЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ * ИРЖИ ТАУФЕР: ЛЕНИН В ЧЕХОСЛОВАКИИ * КАРТИНЫ С ВЫСТАВКИ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» * ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДАГЕСТАНСКАЯ ДЕКАДА * КРОВЬ ИВАННЫ СТУЧИТ В НАШИ СЕРДЦА! * ХУДОЖНИК БОРИС ШАЛЯПИН * НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. АЛИЕВА, А. ВОЗНЕСЕНСКОГО, В. КИСЕЛЕВА**

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

«Детвора». *Художники Ткачев А. П., Ткачев С. П. (Московская область).*

ДУХОВНЫЙ МИР ГОРЦА

ПОРА ВОЙТИ В НОВЫЙ ДОМ

Горец строит новую саклю и отдает молодым — сыну с женой. Нечто подобное происходит и в дагестанской литературе, где проза выделяется сейчас в самостоятельное хозяйство, обретает, так сказать, свою саклю. И подобно тому, как соседей всегда интересует, кто же поселился рядом, так и нас интересуют (в данных заметках) герои, которые уже прошли через свежевыкрашенные двери обложек и титульных листов в зарождающуюся дагестанскую прозу. Я говорю «в зарождающуюся» не потому, что горцам старших поколений не было знакомо повествовательное слово. Еще в древние времена в стране гор в изустной форме бытовало немало причудливых народных преданий, легенд и сказок, многие из которых, к сожалению, еще не собраны и не изучены; еще накануне Октябрьской революции С. Габиев отозвался на политические события в Дагестане повестью «В народ»; в 1920—1930-х годах А. Фатахов, А. Аджаматов, Ю. Гереев написали немало повестей и рассказов. В сознание поколений, как резьба по камню, врезались «Поэт» Э. Капиева, его фронтовые очерки, а также роман М. Хуршилова «Сулак свидетель».

Я говорю о прозе Дагестана как еще зарождающейся потому, что только в наши дни она превращается из суммы произведений в нечто цельное и общее.

Примечательно, что эта проза развивается в Дагестане, где поэзия подняла всю литературу до зрелого уровня. Дагестанская проза создается поэтами. Стоит просмотреть хотя бы оглавление выпущенного в начале 1960 года сборника «Дагестанские повести и рассказы»: из 12 авторов 8 либо бывшие, либо параллельно работающие в двух жанрах поэты. Перьями поэтов написаны и наиболее значительные прозаические произведения, привезенные на декадное обсуждение. Например, роман «Махач» И. Керимова, роман «Месть» М. Магомедова, сборники рассказов «Простые люди» М. Бахшиева, «Иные времена» Меджида, повести «В черной пещере» М. Сулиманова, «В кумыкской степи» А. Аджаматова и другие.

Поэты принесли в прозу свою поэтическую интонацию, лаконичность и, пожалуй, главное — чувство современности. Народный поэт Дагестана Сулейман Стальский говорил: «Надо оседлать время, взять его за уши». Этого прозаики и добиваются, хотя современность и современный герой вводятся в нашу прозу пока еще преимущественно через семейно-бытовые темы.

Разумеется, для Дагестана, где в быту еще велик груз адата и шариата, семейно-бытовая тема раскрывается как арена острой борьбы нового со старым. Совершенно закономерен был тот интерес, который проявлялся в библиотеках, на читательских конференциях к, быть может, не во всем ладно скроенному роману И. Керимова «Разрыв».

Героиня романа Айшат вырастает из робкой, угнетенной мужем жены в рассудительного, трудолюбивого человека с властно пробудившимся чувством личного достоинства и гордости. Общественно полезная деятельность оказалась тем оселком, на котором отточился и оформился ее характер. Морально-этические проблемы, поставленные в романе, горячо взволновали читателей.

У Х. Авшалумова есть рассказ «Встреча у родника», название которого носит сборник, изданный «Советской Россией» к декаде. Автору удалось нарисовать выразительный портрет горца наших дней, на словах противника старых адатов, а на деле крайне робко борющегося с ними. Омар, герой рассказа, «с улыбкой мученика» согласился сходить за водой к роднику. Он взял ведра, вышел на улицу, и, пугливо озираясь, пошел к роднику. Здесь до его слуха донесся из кустов неясный шорох. Омар в растерянности присел на корточки. Но вскоре он узнал человека, спрятавшегося в кустах. Его разобрал смех, и он во все горло крикнул: «О, саламалейкум, Эмин! Какая приятная встреча! Видать, и тебя жена выгнала из дому».

М. Бахшиев — писатель, партийный журналист, пишет короткие, в «телеграфном стиле» рассказы, в которых повествуется о ломке старых привычек, изменениях в сознании людей. Автор сборника «Простые люди» дает образ в развитии, в движении, его герои убедительны, им веришь.

Современную «производственную» тему разрабатывают М. Сулиманов (повесть о сулакских строителях), Меджид (сборник рассказов «Иные времена»), З. Эфендиев (очерки), К. Меджидов (повесть «Горы движутся»).

Дагестан — страна садоводов и рыбаков, овцеводов и ковровщиц, нефтяников, работников консервной и винодельческой промышленности. Сколько среди них подлинных героев, людей с высокими моральными качествами! Но, нечего греха таить, литературный портрет героя нашего времени в дагестанской прозе еще маловыразителен. В этом отношении особенно не повезло мужским образам. Если в повести или рассказе хоть в какой-либо степени затрагивается проблема семейно-бытовых отношений, женщине непременно отводится положительная роль, мужчине — отрицательная. И вообще дагестанской прозе, особенно в жанре рассказа, лучше удается показ того, как идет ломка старого. Но ведь задача строителя состоит не только в сносе ветхих домов. Его главное призвание — строительство новых. Писатели — те же строители. Но строительство этих новых зданий в дагестанской литературе идет, к сожалению, медленнее, чем разрушение старых. И ведется оно зачастую по типовым проектам, что прогрессивно в строительном деле и пагубно в литературном, ибо искусство и схема — антиподы.

Время наше неповторимое, полное событий мирового значения. Это время советского человека, запустившего в космос искусственную планету; человека, поставившего на службу народу самое величайшее достижение науки и техники — атомную энергию; человека, обновляющего облик страны. Пора, чтобы этот человек вошел в новый дом, в дом молодой дагестанской прозы полновластным хозяином, чтобы она, проза, ярко и убедительно передавала чувства этого большого времени, достойного восхищения.

А. АГАЕВ

Дневник декады

ВСЛЕД за аварским и кумыкским театрами перед москвичами выступили Лакский драматический театр имени Э. Капиева, Лезгинский драматический театр имени С. Стальского, Русский драматический театр имени М. Горького. В помещении Кремлевского театра состоялся концерт оркестра народных инструментов дагестанского радио.

Продолжаются встречи участников декады с рабочими столичных предприятий. Дагестанские писатели З. Годжиев, Р. Рашидов, А. Сулейманов, К. Султанов, А. Мирзаев и другие побывали на Первом подшипниковом заводе и в клубе завода «Компрессор».

Вечер классической поэзии Дагестана состоялся в Центральной городской публичной библиотеке имени Н. А. Некрасова. В Государственном литературном музее с успехом прошел творческий вечер народного поэта Дагестана Расула Гамзатова.

На экранах столичных кинотеатров демонстрируются дагестанские фильмы.

Магомед АЛИЕВ

ВЕСНА

Зелень трепетно горькая
Оживает кругом.
Словно реченька горная,
Ты примчалась в вагон.

Громко сердце колотится,
И, поглубже вздохнув,
Вот в пальтишке
коротеньком
Ты садишься к окну.

Твои руки нескладные
На коленях лежат,
Голубые, прохладные,
В них фиалки дрожат.

Ты и в грусти и в радости,
Слышишь, девочка, ты
Вся из неба и радуги,
Как трава и цветы.

Поезд катится, катится,
Напевая в пути:
Что ты, Катенька.
Катенька.
Не грусти, не грусти.

Ты не слушаешь поезда,
Ты как будто во сне.
Сколько светлого поиска
В наступившей весне!

Зелень трепетно горькая
Оживает кругом.
Словно реченька горная,
Ты примчалась в вагон.

И я понял, что стаяли
В Дагестане снега,
Что веселыми стаями
Птицы будят луга,

Что родятся растения
На поляне лесной.
Еду, еду растерянный
В электричке с весной.

Перевела с аварского
Ю. МОРИЦ

КТО УБИЛ ИВАННУ?

В ЛЬВОВСКУЮ цитадель, где за четырьмя рядами колючей проволоки содержались пленные советские солдаты и офицеры, пришли дамы-благотворительницы. Движимая чувством христианского сострадания, вместе с ними пришла и Иванна: ведь пленным так легко выйти из-за ограды, надо только подписать прошение генерал-губернатору Гансу Франку. Но то, что увидела Иванна,— начиная от пищи (кофе из эрзаца с древесными опилками) и кончая чудовищным объявлением: «Запрещено есть разрезывать трупов воен. пленных и отделять таковых частей»,— потрясло ее. Иванна решила помочь пленным иным путем. Вскоре из цитадели бежали триста узников. Ограда из колючей проволоки была перерезана ножницами, приобретенными Иванной у старьевщика. Но эти же ножницы выдали Иванну. Она погибла, стойко перенеся пытки и мучения.

Нет, это не содержание кинофильма «Иванна», вышедшего недавно на экраны страны. Это подлинное событие, случившееся во времена гитлеровской оккупации Львова. Девушку звали Иванна Макивчук. Кто же убил Иванну? Немецкие эсэсовцы? Бандиты-националисты из «Нахтигаля»? Или виной ее смерти — святая вера в небесную справедливость, вера, заставлявшая ее молиться в самозабвении: «Царица неба и земли, дева пречистая, матерь божия, заступница наша, я никогда не откажусь от тебя»?

...Недавно львовский старожил Владимир Михайлович Панькив рассказал мне:

— Я был близко знаком с главарем ОУН — Организации украинских националистов — Андреем Мельником. Мы вместе учились. Потом его взял к себе митрополит Шептицкий — управлять своими поместьями. А когда немецкая бомба разорвала прежнего главаря ОУН Коновальца, Мельник с благословения митрополита занял его место. Но я с самого начала подозревал, что Мельник служит немцам, как впоследствии и Бандера.

Мельник и Бандера. Кто не слышал этих двух кровавых имен! Бандера служил гитлеровцам. Мельник служил гитлеровцам. То, о чем Панькив только догадывался, «генерал от Христа» Андрей Шептицкий дополлинно знал. Ибо Шептицкий тоже служил гитлеровцам. Союз трех сил — немецких фашистов, украинских националистов и ватиканских церковников — был связан грязными, но прочными нитями.

Документы, документы, документы... Они рассказывают нам, как бывший драгун австрийской армии, агент разведки, сосланный в свое время за шпионаж в глубь России, Андрей Шептицкий превратился в «ловца человеков», митрополита греко-католической церкви. Документы же показывают, какими разнообразными методами пользовалась униатская церковь, верная прислужница Ватикана, для достижения своих грязных целей: от тонкой игры на вере и чувствах до простого убийства.

Но подчас куда сильнее, чем груды документов, воздействует на нас безыскусный рассказ о судьбе человека.

Именно таким рассказом является фильм «Иванна» — несомненная удача Киевской киностудии имени А. Довженко.

Киноповесть «Иванна» — это не изложение какого-то конкретного факта из времен войны. Но каждый эпизод ее, каждое слово могут быть документально подтверждены. Стремлением к этой подлинной достоверности большого художественного произведения пронизаны усилия режиссера В. Ивченко, оператора А. Прокопенко и всего актерского коллектива. И это сильнее всяких ухищрений захватывает зрителей. С каким напряженным вниманием, с какой тревогой следят они за событиями! Они не оценивают игру чудесной актрисы Инны Бурдученко — они видят перед собой настоящую, подлинную, маленькую и великую, слабую и неодолимую Иванну (а может быть, Аню, Ганну, Аустру, Янину), которая отреклась от ложной веры и обрела веру истинную, но заплатила за это своей жизнью. Зрители знают: так было. Они знают: так может быть.

Да, так может быть, ибо «ловцы человеков» не перестали закидывать свои сети. Еще живы убийцы Иванны Макивчук — Владимир Кубинович и «жених» Ярослав Тарнавский. Умер Шептицкий, но живы шептицкие, мечтающие о «соборной самостийной Украине». Еще просачивается в нашу страну под видом «посланий братьям во Христе» яд, растлевающий души. Еще готовятся к «деятельности» на советской земле новые романы гереты — безразлично, в сутане, в рясе, чалме или мирской одежде.

Лишь скупые сведения об этой тайной подготовке появляются на свет божий, но все же появляются. Несколько лет тому назад стало известно, что в Риме существует учебное заведение ордена иезуитов под названием «Русский колледж», где готовятся агенты для засылки в Советский Союз.

А вот одно из последних сообщений. В австрийском городе Зальцбурге спешно восстанавливается католический университет Альберта Магнуса, прекративший свое существование еще во времена наполеоновских войн. Австрийская буржуазная печать подчеркивала, что главное место в университете отводится так называемому «Восточному колледжу». Какие цели он преследует? Шеф университета ван Стратен так отвечал на этот вопрос: «То, что вчера произошло в Будапеште (то есть контрреволюционный мятеж, видную роль в подготовке которого играл кардинал Миндсенти. — Б. К.), может произойти завтра в Праге, Варшаве или Берлине». Больше того, ван Стратен определил и «день икс», то есть дату крестового похода на Восток: «Вероятно, это будет 1960 год».

...Передо мной лежат грязные листки украинских националистов, выходящие в Мюнхене и Канаде. Они, пожалуй, первыми «прорецензировали» кинофильм «Иванна». Нет нужды повторять их до предела злобные и до предела глупые слова. Смысл этих рассуждений крайне прост: будь проклят Владимир Беляев, написавший сценарий фильма! Кое-кто из «непримиримых» даже бросил лозунг: «Смерть за «Иванну»!», мечтая дотянуться с этим лозунгом до Львова.

Над этим нужно не только смеяться. Надо задуматься. Легковесные книжонки «про шпионов» принесли советскому читателю двойной вред. Сперва многих они заставили подозревать в каждом иностранном госте шпиона, а затем, абсолютно дискредитировав себя в глазах читателей, привели к своей противоположности: молодежь решила, что тайные агенты орудуют только на страницах подобной литературы.

Нет, еще бродят по советской земле «железнодорожники», гереты и каблаки. Разные личины надевают они, но легче всего им принять облик «слуг христовых».

Так пусть кровь Иванны стучит в наши сердца!

Б. КРЫМОВ

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Писатели М. Светлов и К. Чуковский. Куклы — дружеские шаржи. *Художник Беклешова Е. Т.*

Женский портрет (линогравюра). *Художник Манухин Я. Н.*

«Штукатуры». *Художник Попков В. Е. (Москва).*

УЛЫБКА ЛЕНИНА

Иржи ТАУФЕР,
чешский поэт

НЕМАЛО мучений доставляют порой слова. Иногда мне думается, что не лишена оснований злая ирония известного парадокса: язык дан человеку, дабы скрывать свои мысли.

Есть слова, которым в различных случаях придается различное значение.

Недавно весь мир с волнением услышал о необыкновенном подвиге, но те, кто совершил его, считают, что поведение их было совершенно обыкновенным. Известны и другие примеры. Вспомним такой эпизод: узнав, что Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором, Бетховен, который до этого дня видел в Наполеоне воплощение революционного духа и посвятил ему свою симфонию, в бешенстве разорвал посвящение, воскликнув: «Так, значит, он просто заурядный человек!»

Как выйти из этого словесного лабиринта?

Однако противоречие здесь только кажущееся. В первом случае слово «обыкновенно» передает ощущение героев, в чьих глазах совершенный ими подвиг есть нечто естественное, само собой разумеющееся ощущение представляющее собой большую моральную ценность, нравственный идеал, а потому и необыкновенное. Наоборот, в стремлении к пышности блеску, исключительности неповторимости и могуществу, в стремлении быть «необыкновенным» заключена та «обыкновенность», которую презирал необыкновенный гений — Бетховен.

* *

Ленин!

Был он обыкновенным или необыкновенным человеком?

И тем, и другим. В нем была необыкновенность гения, призванного историей к свершениям всемирно-исторического значения; в нем была и драгоценная обыкновенность простого человека, которую люди устами своих поэтов, художников и музыкантов восславляют как проявление истинного величия.

В Ленине мы видим поразительную и редкостную гармонию между человеческой личностью и ее объективной исторической миссией. Ленин был человеком глубоко современным, в самом прекрасном и полном смысле этого слова, не только своими взглядами, но и своими чувствами, всем своим существом. Первоосновой личности Ленина был глубокий демократизм, без которого немыслимо представить себе деятеля социалистической революции.

Весной 1920 года тридцативосьмилетний журналист, революционный писатель Иван Ольбрахт был послан в СССР делегатом II конгресса Коминтерна. Ему выпало счастье видеть и слышать Ленина в Большом театре на траурном заседании, посвященном памяти Я. М. Свердлова (16 марта). Не знаю, почему, но мне до сих пор очень дороги строчки из второго тома «Картин современной России» Ольбрахта. То ли потому, что это один из первых источников, откуда мое поколение на заре своей юности почерпнуло первые представления о личности Ленина, почерпнуло от человека, видевшего Ленина собственными глазами, и человек этот был чешским писателем. То ли потому, что строчки эти написаны в особенном тоне, страстном, но не патетическом, не обожествляющем, но доверчивом и теплом, в том тоне, которым позднее так пленил нас Горький в своих воспоминаниях о Ленине.

Именно тогда, читая — не без зависти — слова человека, которому посчастливилось собственными глазами увидеть, как «незадолго до открытия заседания из боковой кулисы выходит Ленин», именно тогда, видимо, я ощутил эту удивительную «обыкновенность», может, впервые в истории воплотившуюся во всем ее новом величии в образе вождя победоносной русской революции: «Небольшой, широкоплечий, с темнорусой рыжеватой бородкой, лысиной и невысоким, но очень крутым лбом, устремленным вперед и словно готовым протаранить все, что только встанет на пути. Владимиру Ильичу через несколько дней исполнится пятьдесят. Его встречают аплодисментами. Не слишком шумными, скорее дружескими, чем восторженными. Ленин садится на один из свободных стульев за столом президиума — третий или четвертый от края, место совершенно неприметное. Почему? Да потому, что он здесь среди товарищей, с которыми уже двадцать пять лет работает вместе, которых хорошо знает и которые так же хорошо знают его...

Я гляжу на этого могущественнейшего в мире человека. Все его портреты неудачны. Они придают прищуренным глазам Ленина демоническое или саркастическое выражение, которое отсутствует в его лице, и не говорят, что у него светлые волосы. От уголков глаз Ильича веером расходятся морщинки.

Товарищ Ленин! Не больше, но и не меньше. Человек, которого эпоха вывела из чердачных каморок и музейных библиотек эмиграции и поставила в центр событий мировой истории».

Позже, когда я читал научные труды о Ленине, в которых исторический деятель гигантского масштаба всегда волей-неволей заслоняет перед глазами читателей живого человека, передо мной неизменно стоял образ Ленина, хорошо знакомого, живого, очень родного и близкого; этим я обязан описанию Ольбрахта.

Немногие великие деятели истории обладали такой скромностью, как Ленин. Личность Ленина не **заслонялась** его деятельностью, а **растворялась** в ней, в главном деле его жизни, каким были строительство партии, Октябрьская революция и создание первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Ленинская революция пережила Ленина, но Ленин не стал историческим памятником, он как бы движется в будущее: значение Ленина растет по мере того, как развивается и крепнет его дело, воплощенное ныне в жизнь не только в СССР, но и в могущественном содружестве социалистических стран.

Зденек Неедлы, публицистическая борьба которого в защиту новой России всегда была одновременно и борьбой за правильную оценку и понимание личности Ленина (трудно по достоинству оценить все значение этой борьбы), написал о Ленине двухтомный труд, изданный к двадцатой годовщине Октября, с красноречивым посвящением: «Чехословацким рабочим». Произведение это, бесспорно, знаменует собой кульминационную точку борьбы Неедлы за признание Советского Союза это вершина его творчества в научной монографии.

Задолго до того, еще в 1924 году, Неедлы опубликовал в своем журнале «Вар» небольшую, но интересную статью, посвященную памяти Ленина. В ней он уже тогда отметил черты, характеризующие «необыкновенную обыкновенность» личности Ленина, ту, что всегда будет вызывать у людей восхищение и служить уроком, показывая, что великая историческая личность никогда не перестает быть человеком — «одним из нас».

Жизнь Ленина осталась такой же простой, как была. Ленин все да думал только об одном: о победе революции, в которой видел благо и спасение человечества.

* *

Избранные произведения Ленина по вопросам искусства и культуры попали в нашу страну после 1945 года. Это очень значительные и интересные произведения, как и все, созданное Лениным, но мы видим в них не только неотъемлемую часть его деятельности; здесь и яркое отражение личности Ленина, имевшего, как известно, очень четкие художественные и литературные симпатии.

В высказываниях Ленина об искусстве меня, между прочим, всегда поражало его отвращение к безапелляционности суждений и бережность, с которой он подходил к художественному творчеству, отлично сознавая его специфические особенности и трудности.

И мне понятно, что именно этот человек, впитавший столько знаний, именно этот революционер, весь смысл жизни которого был в освобождении труда, в его возвеличении до уровня творчества, мог с таким уважением и вниманием подходить ко всем сферам человеческого творчества, а следовательно, и к наиболее тонким его проявлениям — произведениям искусства. Ведь все это соответствует ленинскому тезису о том, что литература — часть партийной, то есть идеологической работы пролетариата, которая хотя и непосредственно связана с остальными сферами его деятельности, но не может быть механически отождествлена с ними.

Помню, как тронут я был, когда узнал из воспоминаний А. В. Луначарского, что Ленин, хоть его влекло к себе искусство, в котором он видел интересную область теоретической работы марксиста, жаловался, что у него «не было и не будет времени заняться искусством», и «поскольку ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве» и из своих эстетических симпатий и антипатий никогда «не делал руководящих идей».

Когда я узнал об этом, ленинские высказывания об искусстве стали для меня еще ближе, еще значительнее. Меня поразила мысль, пронизывающая все ленинские суждения об искусстве и культуре, мысль, высказанная им в беседе с Кларой Цеткин: «...важно не наше мнение об искусстве», а важно, что искусство «должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

Пробуждать в людях художников и развивать их! Разве это не первейшая задача искусства?

Ленин никогда не оставлял без внимания важнейшую и ценнейшую сторону личности художника — то есть талант. Поэтому в его работах, посвященных Л. Толстому, помимо точного анализа ограниченности Толстого и резкой критики идеалистической точки зрения, согласно которой Толстой — «совесть человечества», мы видим и восхищение талантом, благодаря которому писателя, не понимавшего революции, стало возможно назвать «зеркалом революции». Отсюда и ленинский завет о внимании к таланту. Ленин считал, что талант — это редкость, его нужно беречь.

* *

И если после 1918 года все, что было наиболее талантливого и наиболее умного в чешской литературе, либо встало под революционное знамя коммунизма, либо, по крайней мере, открыто заявило о своих горячих симпатиях к Ленину, к Октябрьской революции и Советской России, то это произошло потому, что в образе Ленина перед ними впервые открылась тогда потрясающая реальность освобождения человеческого общества.

Решение кардинальной проблемы эстетики, основной проблемы нового искусства, а следовательно, и глубоко личной проблемы «быть или не быть», возникающей перед каждым деятелем искусства, заключено в отношении к освобождению труда, к революционному преобразованию общества, то есть к политике, с помощью которой марксисты бурили пласты истории не как археологи, — чтобы восстановить картину прошлого, — а как геологи, — чтобы добыть живую воду для человечества...

Предательство и трусливый эклектизм, которыми было отмечено отношение чешской буржуазии к так называемому русскому вопросу (стоит только вспомнить продолжавшуюся шестнадцать лет канитель с признанием СССР «де юре»), характеризовали ее поведение и после установления официальных отношений с Советским Союзом. В 1938 году мы поплатились за это государственной независимостью и едва не поплатились жизнью нашего народа. Не будь я искони приверженцем точности и простоты, будь я склонен упиваться символикой, я мог бы сказать: есть нечто символическое в том, что Прага вошла в историю Коммунистической партии Советского Союза благодаря Пражской конференции и пребыванию Ленина в Праге, а наше освобождение Красной Армией стало главой общей истории, нашей и Советского Союза.

Бедржих Вацлавек имел все основания написать перед второй мировой войной о чешской национальной литературе: «...кажется, нет ни в Европе, ни во всем мире литературы, так дружески расположенной к советскому народу». Однако я хочу сейчас говорить не о том, что дали чешские поэты Ленину и Октябрьской революции, а о том, что дал нашей социалистической литературе Ленин.

Он дал ей прежде всего свой гигантский труд по обновлению творческого наследия Маркса. Велики заслуги Ленина, пробудившего лучшие силы нашего искусства своей борьбой против реформизма, этого воплощенного замазывания социальных противоречий, представляющего собой «преступление против будущего» (Неедлы). Ленинская идея соединения социализма с рабочим движением, строительство партии как ведущего отряда массовой классовой борьбы — все это открыло глаза тем нашим деятелям искусства, которые не страдали буржуазной ограниченностью своей эпохи, не замыкались в тесном кругу узкопрофессиональных интересов, а жили полнокровной жизнью своего времени.

В те времена, когда в Европе, подобно гнилостному дыханию, стали распространяться пессимистические рассуждения о близком конце культуры и цивилизации, Ленин базирует свой радостный, оптимистический взгляд на зачатки социализма именно на своем научно обоснованном пессимизме в отношении буржуазной системы.

Ленинские произведения завершали процесс перевоспитания многих и многих интеллигентов в «воинствующих материалистов», завершали формирование их материалистического мировоззрения. В своих воспоминаниях «Из моей жизни» Незвал рассказывает о том времени, когда каждая марксистская книга была для него и его друзей открытием и источником познания, без которого немыслимо было обойтись:

«На нашу долю выпало счастье: наше восхищение Октябрьской революцией заставило нас потянуться к Марксу и Ленину...»

Оптимизм Ленина — оптимизм, зиждущийся не на суеверии, а на познании последовательном, неуклонном, научном. Оптимизм Ленина — это оптимизм человека, который хорошо знал, «что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого **искания** истины», это оптимизм человека, который в дни страшной разрухи, голода и интервенции с несокрушимой уверенностью сказал: «Никто из наших врагов не знает, чего он хочет. Мы — знаем».

Улыбка Ленина — это проницательная и оптимистическая улыбка революции. Улыбка эта озаряет и наши нынешние сражения за будущее человечества.

ПРАГА

ХУДОЖНИК БОРИС ШАЛЯПИН

...Борис Шаляпин. Это имя в последнее время многих заинтересовало в нашей стране. Два портрета отца, написанные им в разные годы и помещенные в первом томе вышедшего не так давно двухтомника о великом русском артисте, портрет композитора Рахманинова и другие работы, воспроизведенные журналами «Огонек» и «Музыкальная жизнь», привлекли к себе внимание.

В 1925 году Борис Шаляпин оканчивает Высшие государственно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). Совсем еще юношей он переезжает к отцу в Париж. Письма Федора Ивановича Шаляпина того периода полны внимания к творчеству сына. 1931 год: «Малый начинает работать сравнительно недурно». 1932 год: «Боря загнул сейчас мой портрет во весь рост...» Еще через два года: «Он стал очень хорошо работать». И, наконец, еще через год: «кажется, начинает иметь успех».

Федор Шаляпин (справа) с сыном Борисом у своего портрета.

Борис Федорович делает десятки портретов и рисунков отца, целую галерею работ, запечатлевших образы, созданные артистом, — Мельник и Дон Кихот, Борис Годунов и Дон Базилио... Он не оставляет эту тему и по сей день, рисуя отца по памяти и многочисленным фотографиям.

Кисти Бориса Шаляпина принадлежит портрет С. Рахманинова, созданный в 1940 году. Этой работе суждено было стать и лучшим (как об этом говорил сам Рахманинов), и последним живописным портретом композитора. На запрос Музея музыкальной культуры имени Глинки об условиях приобретения портрета художник ответил: «Я счастлив принести этот дар моей Родине». Картина висит сейчас в этом музее.

Интересны и портреты других крупных музыкантов — Артуро Госканини, Титта Руффо, Фрица Крейслера, а также портрет Теодора Драйзера, написанный в 1939 году. Во время недавних гастролей балета Большого театра в Соединенных Штатах Америки художник начал работу над портретом Галины Улановой.

Письма Бориса Шаляпина в Советский Союз — матери, сестре, знакомым — полны глубокого интереса к жизни родной страны. «Горжусь всеми почестями, предоставленными памяти Федора Ивановича на нашей Родине», — пишет он в одном письме.

Сегодня Борис Федорович Шаляпин приезжает в Москву.

Федор Шаляпин в роли Мельника из оперы «Русалка». Работа Б. Шаляпина.

М. ДОЛИНСКИЙ.
С. ЧЕРТОК

НОВЫЕ СТИХИ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СУЗДАЛЬ

По Суздалю, по Суздалю
Сосулек, смальт
Авоською с посудою
Несется март!

И колокол над рынком
Болтается серьгой.
Колхозницы, как кринки,
В машине грузовой.

Я в городе бидонном,
Гудящем, молодом.
«Америку догоним
По мясу с молоком!»

Я счастлив, что я —
русский.
Так вижу. Так живу.
Я воздух, как краюшку
Морозную, жую.

Весна рыжеет кручей.
Весна берет рубеж.
Весна играет крупом
И ржет, как жеребец!

СИБИРСКИЕ БАНИ

Бани! Бани! Двери — хлоп.
Бабы прыгают в сугроб!

Прямо с пылу, прямо
с жару —
Ну и ну! —
Слабовато Ренуару
До таких сибирских «ню»!

Что мадонны! Эти плечи.
Эти спины наповал —
Будто доменною печью
Запрокинутый металл!

Задыхаясь от разбега,
Здесь на ты, на ты, на ты
Чистота огня и снега
С чистотою наготы.

День морозный, чистый,
парный.
Мы стоим, четыре парня.
В полушубках, кровь
с огнем,
Как их шуткой
шуганем!

Ой, испугу!..
Ой в избушку,
как из пушки,
во весь дух —
Ух!..

А одна в дверях
задержится,
За приступочку
подержится
И в соседа со смешком
Кинет
кругленьким
снежком...

Владимир КИСЕЛЕВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ»

Жестокость

Журнал «Москва» в мартовской книжке начал публиковать роман Владимира Киселева «Человек может».

Действие романа происходит в наши дни. Те проблемы, которые волнуют сегодня читателя, волнуют и героев этой книги — рабочих, ученых, литераторов. Они не всегда находят на них правильный ответ. Но, вникнув в судьбу героев романа, читатель, несомненно, придет к выводу, что «человек может», что в условиях нашего социалистического государства перед каждым человеком открыты огромные, воистину неограниченные возможности для творческого труда, для счастья.

СЕМЕН СОРОКИН постоянно что-то изобретал. Шахтные подъемники и усовершенствованные мясорубки. Модернизированные рентгеновские аппараты и химические зажигалки. Регуляторы для газовых плит и электромобили.

Дома, на бумаге, все получалось отлично.

Но как только он пытался осуществить свое изобретение, оказывалось, что конструкция не действует. Тогда он приступал к переделкам и окончательно запутывался.

Последнее время Семен носился с идеей крана-укосины с целой системой полиспастов.

— Сейчас, — говорил он товарищам по бригаде, соседям в поезде, человеку, с которым стоял в очереди в кассу магазина, — с развитием техники человечество забыло о полиспастах. А с их помощью можно делать чудеса. Архимед говорил: дайте мне точку опоры для рычага, и я переверну весь мир. А я говорю: дайте мне крюк, за который можно прицепить полиспаст, и я подниму земной шар...

По замыслу Сорокина легкий и портативный кран — такой, чтобы его мог переносить один человек, — должен был крепиться в любом месте: к ступеньке лестницы, к балке перекрытия, к дверному проему.

— Чего ты бегаешь взад и вперед? — спросил Павел.

— Пошли в мастерские, — заговорщицки подмигнул Семен, — там поймешь.

— Закончил?

— Какой кран! — сказал Семен.

У входа в мастерские уже стояли члены бригады. Семен взобрался на стремянку и прикрепил кран к развилке ствола старой ольхи, которая росла перед цехом. Затем предложил:

— Беритесь. Все беритесь за крюк. Могу поднять еще десяток человек. Грузоподъемность рассчитана с запасом.

Все пятеро уцепились кто за крюк, кто за трос.

— Теперь смотрите — тяну левой рукой...

Он и в самом деле стал выбирать левой рукой конец троса, протянутого через систему полиспастов, и поднял всех в воздух. Степан Бурлака оборвался, упал и недовольно посмотрел на Васю — чего толкаешься?..

— Ну как? — подбоченясь и глядя вверх, обратился Семен к Павлу.

— Хорошо, — сказал Павел. — Только мне кажется, что укосине этой не хватает...

Он замялся, подыскивая слово.

— Поворотливости? — подсказал Семен.

— Нет... другого... Вот не могу вспомнить... Есть такое слово... Ну, да ладно. Завтра испытаем эту штуку в деле.

...ПЕТР АФАНАСЬЕВИЧ для чего-то расстегнул, а затем снова застегнул у Павла пуговицу на воротнике клетчатой рубашки.

— Ну как ты? — спросил он.

— Ничего, — не очень уверенно ответил Павел.

— И я ничего. Только Хейла этого боюсь. То есть черт с ним, — пусть выступает. Оно даже лучше... А все-таки беспокойно как-то. — Неожиданно суровым тоном Петр Афанасьевич продолжил: — Вот что я тебе скажу... Тебя сегодня будут принимать в партию. Ты — человек грамотный, получил аттестат зрелости этой самой, читаешь газеты и книжки и знаешь, как говорят про большевистскую партию. Ну, что она авангард, передовой, значит, отряд и все такое. Это все правильно. Ее создал Ленин, и она непобедимая. Это тоже правильно. Но я тебе другое хочу сказать... Я тебе скажу, в чем сила партии...

Он задумался и сказал медленно, как говорят только в редкие минуты жизни.

— Сила ее в том, что вот, если будет нужно, она тебе, Павлу Сердюку, скажет: иди на смертные муки. И ты пойдешь. Потому что знаешь — раз партия посылает, значит, иначе нельзя. Значит, это требуется для Ленинской правды на земле.

Он помолчал.

— Ты мне можешь сказать: не все же в партии такие. Правильно, не все. Партия — большая. Есть в ней разные люди. Небось, этот директор пошивочной фабрики тоже был в партии. Есть и такие. Попадаются и просто слабодухие. Но сила партии в том, что масса ее членов всегда выполнит все, что она накажет. Ты не смотри, что человек скромный, стоит у станка и боится жены. Когда прикажет партия — он будет орлом. Откуда же тогда герои в Отечественную войну брались? И слабодухих партия учит и воспитывает, чтобы из них настоящие партийцы были. Понимаешь?

— Понимаю, — тихо ответил Павел.

— У тебя заработок не прибавится. И полегче работы тебе не дадут. И, если потребуется, тебя пошлют на самое тяжелое дело. Но уж зато, если ты с чистой душой вступаешь в партию, ты всегда будешь знать: ты с теми, кто, если нужно, вынет сердце для людей, как в какой-то хорошей книжке рассказывается...

...Павел прежде не замечал этого плаката. Он висел над сценой небольшого временного клуба, где проходило партийное собрание. «Под знаменем Ленина, под водительством Коммунистической партии — вперед к победе коммунизма!»

— Под водительством партии...— подумал Павел. Ему казалось, что собрание, на котором должен решаться вопрос, принимать ли его в партию, будет торжественным, сцена будет украшена знаменами, как на праздник. Но все было просто и буднично.

Первым вопросом в повестке дня стоял прием в партию Сердюка. Секретарь парторганизации прочел вслух рекомендации и анкету Павла.

— Автобиографию, — сказал он, — я думаю читать не нужно. Пусть ее расскажет сам товарищ Сердюк.

Павел вышел на трибуну и начал рассказывать биографию. Волновался так, что никак не мог припомнить, в каком году пришел на строительство.

— О тюрьме нужно рассказывать? — спросил он глухо.

— Не нужно, — сказал с места Хейло.

— Как это не нужно? — не согласился начальник участка Савельев. — Пусть расскажет.

Стремление Павла говорить правду и только правду привело к тому, что он преувеличивал свою вину, и ему стало казаться, что участники собрания смотрят на него с недоверием. Подавленный, насупившийся, он сел на место.

Первым попросил слово Костев — монтажник из бригады Петра Афанасьевича, большой плечистый парень, под стать Павлу. Он говорил о том, что бригада, которой руководит Павел, значительно перевыполняет нормы, работает дружно, Павел, как это ему известно, пользуется авторитетом у товарищей и, по его мнению, Сердюк заслуживает, чтобы его приняли в кандидаты.

У Павла немного отлегло на сердце.

За ним выступил Савельев.

— Был в бригаде Павла Сердюка уже пожилой человек Коляда, — начал он, почему-то волнуясь. — Мы, строители, работаем рядом с монтажниками, и нам многое видно. Так вот, я примечал — возьмется старик за что-нибудь тяжелое, и сейчас же, неизвестно просто откуда, кто-нибудь из членов бригады появится, поможет ему. Я даже не знаю, замечал ли сам Коляда, как члены бригады его оберегают. И не уверен, что сами монтажники это замечали, что они так договорились между собой. Просто в бригаде такие отношения между людьми, такая взаимопомощь, что это у них само по себе получается. И кто же эти люди? Гибайдулин — в прошлом бандит. Бурлака — тоже из осужденных, не знаю, за что, но тоже, верно, не за хорошие дела. И кто же их так воспитал? Присматривался я и к этому. Сердюк это сделал. Молодой бригадир Сердюк...

Он помолчал.

— Теперь возьмем другое. С тем же Колядой. Заболел он. Сердюк — тихий человек. Из тех, что для себя не попросят. Но посмотрели бы, как он в постройкоме добивался путевки для старика. В санаторий. Здесь есть председатель постройкома — не даст соврать Как тигр... А взять те же подвесные леса? Ничего не скажешь — настоящая рационализация. Опять же Сердюка предложение...

— Больше никто не хочет выступить? — спросил председатель.

— Дай еще мне слово, — попросил шефмонтер Емельяненко.

Павел припомнил, что, кажется, за все время своей работы не слышал от него и слова. Это был грузный человек в мешковатом костюме, из старых мастеровых. Помятое лицо его выглядело апатичным и равнодушным ко всему на свете. Небольшие глаза с тяжелыми веками смотрели сонно.

Медленно и тяжело он поднялся на трибуну.

— Я буду голосовать за прием Павла Сердюка в кандидаты, — сказал Емельяненко. — Но здесь много говорили о нем хорошего. Однако никто не сказал о недостатках. А они у него есть...

— Есть, есть, — подумал Павел, — и много. Но что он имеет в виду?

— Прежде всего, он невыдержан...

— Это правильно, — подумал Павел, который никогда прежде не считал себя невыдержанным. — Но я исправлюсь.

— Бывает невнимателен к указаниям старших — есть в нем такая самоуверенность: сам, мол, разберусь...

— Ой, есть, — подумал Павел.

— И чересчур любит заработать. На стороне. И иногда это идет в ущерб основной работе...

— А это уж нет, — подумал Павел. — А что шкафы несгораемые переносим, так это не в рабочее время. И это я не для себя. Для хлопцев. Мне и так хватает. Но — учтем.

— И еще я за ним одно нехорошее дело приметил. Когда первый агрегат пускали и маховик в первый раз обернулся, товарищ Сердюк мало радовался. Рабочий человек в такую минуту танцевать должен, шапкой об землю бить, а он постоял и отошел...

— Это уж неправда, — заерзал на скамейке Павел.

— Я радовался, — вырвалось у него.

— Радовался да недостаточно, — с тем же равнодушным выражением сказал Емельяненко. — Души не было видно...

За прием Павла Сердюка в кандидаты проголосовали единогласно.

— Эх, и хорошо же мне! — думал Павел, веселыми, добрыми глазами посматривая вокруг. Зал оставался будничным, а празднично было на сердце, а знамена реяли в душе.

«...ДНЕМ мы монтажники, а вечером — демонтажники», — как-то шутя говорил Вася. На следующий день, сразу после работы, за ними на строительство был специально прислан автобус Министерства юстиции. Они ехали впятером — Павел, Вася Заболотный, Степан Бурлака, Булат Гибайдулин и Семен Сорокин со своими полиспастами. Бригада Павла подрядилась за один вечер установить на место несгораемые шкафы в новом помещении, куда переехало Министерство юстиции.

— Нужно кончать с этим, хлопцы, — сказал Павел, удобнее устраиваясь на мягком сидении автобуса.

— С чем? — не понял Вася.

— С халтурой.

— Нам, беспартийным, можно, — с обидой ответил Вася. — А ты как хочешь...

Когда они вышли из автобуса, поджидавший их комендант сердито спросил:

— А где же остальные?

— Кто остальные? — удивился Вася.

— Ну, грузчики.

— Здесь, папаша, нету грузчиков, — сказал Вася (комендант был примерно одного возраста с ним), — здесь демонтажники.

— Ну, пусть демонтажники. Так где же они? — обратился комендант к Павлу, чувствуя в нем старшего.

— Больше никого не будет.

— Что же это вы — впятером думаете сейф перенести?

— Впятером не носим, — серьезно сказал Павел. — Каждый человек у нас берет по два сейфа. Под мышки.

Семен Сорокин торжествовал. Он закрепил свой кран-укосину на лестничной площадке и уверенно манипулировал полиспастами, а остальным оставалось только подталкивать и подтягивать повисший в воздухе сейф.

— Здорово, — с уважением сказал комендант. — Такого я еще не видел. — Остроумное приспособление Сорокина пленило его. — Я сам, даже без вашего ходатайства похлопочу, чтобы вам премию выплатили. Если вы и дальше нигде ступенек и углов не обобьете.

Они установили сейф на место и принялись за высокий несгораемый шкаф с двумя дверцами и хитроумными замками, в которых поворачивались колесики с цифрами. Его нужно было установить в кабинете министра.

Орудуя полиспастами, Сорокин поднял шкаф в воздух. Монтажники придерживали его по четырем углам и легко двигали вверх по лестнице. Они быстро прошли первый марш и добрались до площадки.

Внезапно Павел почувствовал, что на руки ему навалилась огромная тяжесть, глянул вверх, заметил, что укосина смялась, закричал: «В сторону!», всеми силами пытаясь еще хоть на мгновение удержать сейф, и, когда товарищи отскочили, толкнул эту тяжесть вперед, от себя.

Пронзительная, острая боль в ноге вырвала у него короткий вскрик.

Он упал.

И вспомнил, чего не хватало крану-укосине. Жесткости. Он вспомнил это слово.

ЗА ДРАМАТУРГИЮ ГЕРОИЧЕСКОГО ЗВУЧАНИЯ!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

КОНФЛИКТ — ОСНОВА ДРАМЫ

Этот вывод подчеркнули в своих выступлениях участники пленума: украинский драматург **В. Минко**, министр культуры СССР **Н. Михайлов**, московский критик **А. Анастасьев**, украинский — **И. Киселев**. Показательно в этом отношении и выступление **Г. Мдивани**, заявившего, что его неправильно поняли и он не сторонник «теории» бесконфликтности.

Как правильно заметил **А. Караганов**, «борьба за конфликтность в драматургии не равна выискиванию отрицательного. Мы говорим о недостатках старого, говорим о недостатках прошлого, чтобы приковать внимание людей к новому, бороться за новое. Об этом говорилось на XXI съезде партии.

А некоторые драматурги обнажают ошибки прошлого, чтобы приковать к ним внимание и закрыть ими все остальное, что было в прошлом и что делается сейчас.

И справедлива та критика, которой были подвергнуты «Взломщики тишины» и другие пьесы подобного сорта».

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель **Г. Борян** развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один—директор—говорит «да», другой — главный инженер — «нет». Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Споры, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лишь точки зрения, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Драматическое столкновение в пьесе — это всегда столкновение живых людей, резко очерченных характеров, и, естественно, вопрос о конфликте ставился и решался на пленуме в связи с вопросом о драматическом герое. И прежде всего герое положительном.

ЧЕЛОВЕК ПРОСТОЙ И ВЕЛИКИЙ

Именно в соединении этих двух понятий искали многие выступавшие ключ к пониманию образа современного героя. И в докладе А. Салынского, и в выступлениях В. Сытина и **Е. Востокова** (Главное политуправление Советской Армии и Военно-Морского Флота) вспоминался потрясший совсем недавно мир подвиг четырех советских солдат, простых, обыкновенных, как они сами говорили о себе, советских людей, поднявшихся к вершинам героического деяния. На примере их блестяще подтверждается мысль М. Горького о великих, простых людях и об их героической работе. Сегодня чрезвычайно важна горьковская традиция в нашей драматургии, о которой писал в своей статье А. Софронов, говорилось в докладе А. Салынского и вновь напомнил в своем выступлении **Ю. Юзовский**.

Тот огромный переворот, сказал оратор, который совершил Чехов в мировой драматургии, заключается в том, что он исключительного героя свел до уровня обыкновенного человека. Это было крупное событие, связанное с процессом мировой демократизации искусства. А после этого Горький сделал поворот, который заключается в том, что он обыкновенного человека поднял до уровня героя. И это чрезвычайно важное событие связано с тем, что пролетариат приходил к власти, что народ стал хозяином своей собственной судьбы. И, изображая этих простых людей, советский драматург не может забывать об историческом назначении, которое они выполняют в нашем обществе. Здесь решающее отличие простого человека нашей драматургии от простого человека, ставшего предметом изображения итальянского неореализма. Сам термин простой человек приобретает в нашей жизни, как верно заметил **В. Сытин**, весьма условное значение.

Как же показать этого великого и простого человека. Большинство выступающих поддерживает мысль, высказанную в дискуссии на страницах «Литературной газеты», что этот человек в полную силу может быть показан только в борьбе. Об этом говорит и армянский драматург **Г. Тер-Григорян** и **А. Куčар** (Белоруссия), вспомнивший острое замечание К. Крапивы, уподобившего драму с героем без противников той футбольной команде, которая забивает мячи в пустые, никем не охраняемые ворота.

«Положительному герою приходится, например, и в наше время вести борьбу с пошлостью, с наступлением вещей, чтобы не утерять то «самое заветное», что отличает советского человека»,— говорит писатель **Ю. Герман**.

«От тлетворного маразма мещанского образа жизни и мещанского счастья мы обязаны защитить человечество. Мы это делаем недостаточно энергично. Я не уверен, что фата и обручальное кольцо, так же как и Дворец бракосочетания с шампанским, есть то, чем следует нам так уж гордиться. Однако весь этот набор уже попал в кинематограф и, наверное, в иные виды искусства.

Сила нашего человека, — замечает Ю. Герман,— в направленности его интеллекта, в мощности идей, в гармоничности их, в красоте целеустремленной жизни, в ясности мышления. Присутствует ли в наших произведениях эта интеллектуальная напряженность героя? Не всегда. Часто она заменяется шахматами, строчками Маяковского, сочинением собственных стихов, а то и просто синонимом интеллигентности — роговыми очками и портфелем для отрицательного типа.

А интеллектуальная жизнь кипит вокруг нас!»

Критик **Х. Абдусаматов**, говоря о значении положительного героя, считает, что он обязан присутствовать в комедии. С этим положением спорит драматург **А. Тажибаев**. По его мнению, к решению такого вопроса нельзя подходить догматически.

Положительного героя необходимо показывать в движении, в развитии. Обращаясь к «Иркутской истории», **Л. Шейнин** замечает: я считаю, что в этой пьесе Арбузову удалось в художественной форме пронести глубоко человеческие мысли, что всякий человек может стать лучше, чем был вчера, если вы проявите доверие к этому человеку, если обнаружите веру в удивительные возможности человеческого сердца, если поможете стать выше и чище.

Эта же мысль прозвучала и в выступлении **А. Караганова**: Мне представляется одним из решающих условий создания современного характера изображение того, как время больших и бурных перемен меняет эмоциональный мир человека, его мысли». В этой связи он полемизирует со статьей С. Владимирова в газете «Литература и жизнь», где отрицается возможность борьбы человека с самим собой. «Почему мы лишаем нашего героя права на моральное усовершенствование? Ведь рядом с Гагановой есть члены той отстающей бригады, в которую она пошла. Есть четверка солдат, которая потрясла весь мир, и есть группа альпинистов, о которых написано в «Комсомольской правде», оставивших в горах своих товарищей. Что же тут делать с такой теорией, как владимировская?».

ЗА МАСТЕРСТВО, ПРОТИВ РЕМЕСЛА

Задача воплощения характера в драме неразрывно связана с проблемой мастерства. И на пленуме шел беспокойный, острый разговор о мастерстве. О том, как недооценивается оно многими деятелями театра и кино, как подчас путаются, по словам **Г. Мухтарова**, высокое искусство с холодным ремеслом.

И каждому из участников пленума была понятна досада драматурга **Ю. Ванага**, рассказавшего, как на состоявшемся недавно пленуме Союза кинематографистов, после того как все пришли к выводу, что хорошие сценарии появятся лишь тогда, когда писатели и сценаристы будут творить их с той же ответственностью, как подлинные поэты творят поэмы или прозаики пишут романы, один уважаемый режиссер внес предложение. Он сказал, что нужно пополнить сценарные отделы студий специальными ремесленниками, ...они смогут всегда доработать, доделать сценарий, присланный писателем. Да, он еще, к сожалению, бытует, взгляд на сценарии, на пьесы как на сырье, на полуфабрикат, который «дотянут» силами киностудии, театра — недостойный настоящего художника взгляд на искусство.

И глубоко были правы те выступавшие, которые подчеркивали, что драма — труднейший вид литературы, что она требует огромного напряжения, постоянного совершенствования, неустанного роста профессионального мастерства. А иначе даже одаренный литератор становится вскоре ремесленником, драмоделом, человеком, недостойным носить высокое звание советского писателя.

Отсутствие ясного идейного замысла и мастерства рождает на сцене и на экране унылые, серые, бездарные, лишенные живой мысли и чувства произведения.

И каждому из участников пленума было глубоко понятно беспокойство критика Б. **Жгенти** по поводу того, что хорошие единичные пьесы порой тонут среди скороспелых тусклых произведений на современную тему.

Как справедливо указывал ряд выступавших на пленуме, в борьбе за высокое мастерство победа возможна лишь в том случае, если не будет никому и никаких скидок.

Вот почему такое странное впечатление произвели попытки опытного драматурга **К. Финна** и критика **Ю. Зубкова** защитить от справедливой критики пьесу «Прекрасная Мария» Ц. Солодаря под предлогом того, что автор раскрывает очень важную и нужную тему. Ведь беда подобных произведений-скороспелок именно в том, что они дискредитируют самую хорошую, важную тему.

Не меньшее удивление вызвала попытка К. Финна поставить в один ряд пьесы А. Софронова «Стряпуха», «Миллион за улыбку» и «Без обратного адреса», уклончиво заявив, что каждая из них «имеет и свои достоинства и свои недостатки». Зачем же дезориентировать серьезного талантливого писателя, мешая ему объективно разобраться, какие из его последних произведений хороши, а какие нет.

И **Н. Кладо**, полемизируя со статьей Ю. Малашева в «Советской культуре», где последний утверждал, что критикующие «Миллион за улыбку», очевидно, делают это из тайной или явной недоброжелательности к ее автору, по существу, отвечает и Финну. Нет больших друзей у Софронова, чем те, кто не принял его «Миллион за улыбку», потому, что драматург не заметил, что с формой буржуазного водевиля в его пьесу пришла и буржуазная мораль.

«ВЕЧНЫЕ» ТЕМЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Драматургия должна идти в ногу с временем, поспевать за его движением, улавливать то новое, что каждый день властно входит в нашу жизнь. И здесь, конечно, необходимы поиски новых средств выразительности, вне которых трудно отразить какие-то существенные стороны происходящих изменений. Но, конечно, речь идет о подлинном новаторстве, и нам не нужна та «эпидемия оригинальничания», о которой едко говорил в своем выступлении М. Зарудный.

— Герои без причины начинают ходить через зрительный зал, вылазят из музыкальной ямы. В одном театре я видел, как за героями, которые прошли со сцены через зал в фойе, поднялись и зрители. Хорошо, что их задержали билетеры, сказав, что это так надо. Поспорив, зрители уселись. Но акт уже пропал, пьесу не слушали, а комментировали «творческий поиск» режиссера. Кому нужно такое «новаторство»? Это же явная профанация искусства в угоду моде, именно моде, потому что многие из этих «приемов» насчитывают много лет и стары, как чумацкий шлях.

В связи с проблемой новаторства в драматургии на пленуме был поднят вопрос о так называемых «вечных» темах. Сохранились ли в нашем обществе вечные темы, составляющие предмет и смысл многих драм прошлого? На этот вопрос положительно ответили белорусский драматург **А. Кучар** и москвич **А. Штейн**. Одну из причин успеха «Иркутской истории» они видят в том, что в старой, банальной по внешности ситуации — девушка полюбила одного, а потом полюбила другого, и эта любовь открыла ей красоту мира — драматург обнаружил новый смысл. Если мы станем говорить, замечает Кучар, любовь — устарела, зависть — старое, ненависть — уже было, то положение драматурга будет безнадежным. По-видимому, эти вечные, общечеловеческие чувства могут всегда остаться сюжетной пружиной действия, если только они будут наполнены живым сегодняшним смыслом.

ДЕФИЦИТНЫЙ ЖАНР

Почти на каждом пленуме, заседании, конференции, посвященных драматургии, возникает разговор о комедии. И по большей части ведется отнюдь не в веселых тонах. Ведь в самом деле, крайне мало у нас глубоких, подлинно острых, поднимающихся до значительных обобщений сатирических, комедийных произведений.

И на этот раз **С. Михалков** не без основания упрекал доклад секретариата за то, что комедии, сатире уделено в нем мало внимания. С сатирой у нас по-прежнему неважно. Сатира — это род войска, это оружие, а не музыкальный инструмент. Оно не должно ржаветь и устаревать, а если на сцене Театра сатиры идут пьесы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», то это хотя и оружие, но уже старое. Появились другие отрицательные герои, другие конфликты.

Порой с драматургами получаются те казусы, о которых поведал **В. Минко**, зачитавший на пленуме свой невеселый дневник комедиографа, когда люди без юмора предъявляют комедийным произведениям совершенно небывалые претензии.

Думается, пора, чтобы печальная тональность разговора о комедии изменилась. И правы наши комедиографы, когда требуют от критиков и теоретиков помочь им разобраться, какой должна быть комедия, в чем своеобразие этого жанра, когда они обращаются к Союзу писателей с просьбой активнее вмешиваться, поддерживать удачные попытки в жанрах комедии и сатиры, которые так любит народ.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ

Нам необходимо жанровое многообразие, нам необходимо разнообразие творческих индивидуальностей. И в этом может очень помочь критика, внимательно, объективно относящаяся ко всем драматургам, работающим в любых направлениях и жанрах. К сожалению, так не всегда получается. Нельзя не признать основательность упрека Ю. Чепурина, когда он заметил, что один участок драматургического поля ухожен более чем нужно, а другой выгорает на солнце без воды.

Д. Зорин сказал, что он, так же как Ю. Чепурин, причисляет себя к писателям, разрабатывающим жанр народной драмы. «Иркутская история» — это мелодрама, советская мелодрама, но должны существовать и другие жанры, и не надо, чтобы критика культивировала только одно какое-то направление. О необходимости объективности и широты как непременном условии консолидации говорили также М. Ибрагимов и в своем заключительном слове А. Салынский.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «ВЕСЕЛОГО ГОСТЯ»

Эта история была рассказана на пленуме. Пьеса Г. Мухтарова «Веселый гость» была поставлена Ашхабадским русским драматическим театром и показана во время декады в Москве. Она прошла с большим успехом. Ею заинтересовались три московских режиссера. Один сказал: «Комедия превосходная, я сам хочу ее играть!». Другой воскликнул: «Я беру эту пьесу. Какой колорит! Какие яркие краски!». И тут же... увлекся другой пьесой. А третий два года спустя заметил: «Интересная пьеса «Веселый гость». В наших традициях. Она мне нравится». Но тут же спросил: «А почему те два ее не поставили? В чем дело?» И в третьем театре она тоже не пошла.

Такова печальная история «Веселого гостя». И надо сказать, что судьба в столице некоторых других «гостей» из национальных республик была столь же безрадостной.

И хочется потому привести обращение **Гургена Боряна** к участникам пленума: «И я вам скажу честно, что когда мы, армянские драматурги, направлялись в Москву, то спрашивали друг у друга: а нужно ли нам ехать на пленум? Извините меня за такую резкость, но я не мог не сказать об этом. Почему у нас и, я склонен так думать, у наших коллег из других братских республик возник подобный вопрос? Да потому, что факты свидетельствуют, что и в столичной печати, и в теоретических трудах московских театроведов, и в деятельности московских театров до сих пор существует необъяснимая инертность, я бы сказал, непонятная косность в отношении нашей национальной драматургии.

Посмотрите репертуар МХАТа, Театра имени Вахтангова, Театра имени Маяковского, Театра сатиры. Найдете ли вы там пьесы национальных драматургов?»

Может быть, одна из причин такого досадного положения с национальной драматургией в том, что переводами, как заметил **М. Ибрагимов**, нередко занимаются случайные, далекие от литературы люди? Министр культуры СССР Н. Михайлов говорил: «Необходимо поставить работу так, чтобы над переводами работали наиболее зрелые литераторы, и это будет иметь большое значение не только для данной пьесы, но и для развития дружбы, для углубления связей между братскими литературами».

Серьезные претензии здесь следует предъявить и к нашей печати. Глубоко прав критик **Вл. Пименов**, утверждая, что сейчас говорить о советской драматургии — это значит говорить о нашей многонациональной драматургической литературе. Если этого нет, не может получиться серьезного разговора.

И нельзя не согласиться с киргизским драматургом **К. Маликовым**, когда он говорит, что «Литературная газета» о национальных литературах, о литературах небольших республик пишет аккуратно лишь тогда, когда проходят декады, торжественные события. И правлению Союза писателей и его печатному органу надо быть ближе к писательским организациям, к каждому писателю в отдельности. Вот тогда наше дело пойдет лучше.

Замечание это совершенно справедливо. С каждым годом растет, крепнет искусство национальных республик и соответственно все более зрело, интересно, широко выступают его представители на общесоюзной арене, на наших съездах, декадах, конференциях, все весомее становится их слово. И нынешний пленум доказал это особенно ярко. А печать — серьезные упреки раздавались на пленуме и в адрес газеты «Советская культура» — неоправданно мало пишет об искусстве братских республик.

Да, Союз писателей, «Литературная газета» в долгу перед талантливым, ярким, самобытным искусством наших братских республик. И недаром А. Салынский в заключительном слове признал, что в докладе недостаточно была представлена многонациональная драматическая литература, что это и недостаток пленума.

КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Разговор на пленуме шел в основном по общим проблемам драматургии. Но выступавшие касались и отдельных ее, если так можно сказать, отраслей. Естественно, больше всего говорилось о «старейшей» — драматургии театра. Однако ряд выступлений был посвящен также телевидению и кино.

Председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР **С. Кафтанов** призвал драматургов принять активное участие в работе на радио и телевидении. **Ц. Солодарь** высказал ряд соображений о специфике телевизионной драматургии.

Если попытаться определить, что было наиболее важным в выступлениях, посвященных кинодраматургии, то этим окажется стремление утвердить сценарий как полноправный род литературы, необходимость повысить удельный вес писателя в кинематографическом процессе. Об этом говорили и **В. Шкловский**, и **Н. Кладо**, и **И. Вайсфельд**, и **Ю. Ванаг**. И надо с радостью отметить, что претензии литераторов к кино наконец-то удовлетворены. Министр культуры СССР Н. Михайлов сообщил, что издан приказ, согласно которому режиссеры не имеют права являться авторами сценариев без специального разрешения министерства, что никакие поправки не могут вноситься в сценарий без дозволения автора.

И отрадно, что этот приказ был обнародован на пленуме, лишний раз подчеркнув деловой, творческий характер этого всесоюзного собрания драматургов.

И еще одно: ощущение большой исторической ответственности пронизывало работу пленума. В выступлениях **С. Михалкова**, **Е. Старинкевич**, **Ю. Зубкова** говорилось о колоссальном международном резонансе наших произведений, о необходимости для каждого литератора помнить, что в своих пьесах, сценариях он говорит с очень высокой трибуны, что к голосу нашего искусства — к голосу революционной правды прислушиваются миллионы людей во всем мире.

***

Каковы же итоги пленума правления Союза писателей по драматургии? О них в общей форме сказал в своем заключительном слове секретарь правления Союза писателей **А. Салынский**. При всех недостатках и издержках пленум прошел с пользой.—это несомненно. Дискуссия о конфликте была содержательной и перспективной. Она не только еще раз доказала несостоятельность «теории» бесконфликтности, но и открыла интереснейшие возможности в поисках современного конфликта.

Пленум выдвинул как важнейшую задачу — создание образа крупного, масштабного интеллектуального героя. Благотворное значение пленума сказалось и в том, что он помог оздоровить атмосферу в нашем искусстве. И если в дискуссии, которая шла на страницах «Литературной газеты», все еще порой давали себя знать ненужная грубость, нервность, а иногда и передержки в спорах, то, как указывали многие выступавшие, на пленуме подобных инцидентов почти не было. Пленум, безусловно, сыграет большую роль в деле сплочения наших драматургов на принципиальной партийной основе. Он несомненно поможет нашей драматургии в ее дальнейшем движении по пути социалистического реализма, народности и партийности.

И, наконец, последнее. Как замечали многие выступавшие, о пленуме в конечном итоге будут судить не только по речам, но и потому, что нового появится на экранах кино и на сценах наших театров. С этой мыслью нельзя не согласиться.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ ОТКРЫТ ПО СУББОТАМ

Не ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ

ВОКРУГ ЗАЙЦА

Соблюдая интересы
Актуальности святой,
Коллектив поставил пьесу
Под названьем «Лес густой».
В первом акте — речи,
встречи,
Звон гитары, тишь да гладь
Но зловеще в лес под вечер
Вышел Зайчик погулять.
Во втором (оркестр играет
На трагический манер)
Прямо в Зайчика стреляет
Закоснелый Браконьер.
В третьем акте понемногу
Умирает Зайчик мой.
Браконьер наказан строго,
Все расходятся домой.
Разгорелся диспут в прессе.
Компетентный критик Эс
Заявил, что в данной пьесе
Заслоняет Зайца лес.
Эрудицией владея,
Он сказал: — Беда не в том,
Тут слегка мельчит идею
Мизансцена под кустом.
Был о пьесе диспут в прессе.
Смысл его был ясен всем,
Между тем как в данной
пьесе
Смысла не было совсем.

МОЛИЛАСЬ ЛИ ТЫ НА НОЧЬ, ДЕЗДЕМОНА!

Рыдайте, Гамлеты, Отелло, дяди Вани!
Конфликтов больше нет — их задушил
Мдивани!

К СВЕДЕНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ!

Наш научный сотрудник художник И. Игин просмотрел новую комедию А. Софронова «Миллион за улыбку», фильм «Белые ночи» в постановке И. Пырьева, изучил дискуссию по драматургии, побывал на спевке хора режиссеров «Иркутской истории» под руководством А. Арбузова и познакомился с творческим лицом драматурга В. Розова.

О своих впечатлениях И. Игин рассказывает дружескими шаржами, стихотворные комментарии к которым дает Э. Кроткий. Тему «Вокруг зайца» решает на стендах музея молодая поэтесса Евгения Гай. Эпиграммы демонстрирует А. Безыменский. Заявки на сценарий доставил в музей В. Поляков. Письмо колхозников переслал З. Паперный.

В «Антракте» — Эмиль Кроткий.

РОЗОВ'ый куст

Не знал критических морозов,
Возрос в театре для детей,
Читатель ждет уж рифмы «Розов»,
Так на — возьми ее скорей,

БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ

Щедра натура сочинителя,
Издержек не жалеет он,
И за одну улыбку зрителя
Готов истратить миллион.

ТРИ ЗАЯВКИ НА СЦЕНАРИЙ КИНОКОМЕДИИ

I. МОЯ ПОДРУГА ЗМЕЯ

Это будет веселая кинокомедия из жизни цирка. На арене городского цирка выступает старый артист Горелов, нечутко относящийся к хищникам. Так же нечутко он относится и к гадам. На одной из репетиций он чуть было не задавил удава. За удава (прошу заметить, что этот удав — она, удавша) вступается уборщица цирка Нюша. Удав полюбила ее всей душой. А тем временем на Горелова наступил слон, и старый нечуткий укротитель слег в клинику. Нюша втайне от всех готовит номер с удавом, которая для нее готова на все. Ее выступление проходит с большим успехом. Это видит вернувшийся из клиники Горелов. Он поздравляет Клаву и передает ей своих животных, а сам уходит на пенсию.

II. МОЯ ДРУГ ЭКСКАВАТОР

Это будет очень смешная кинокомедия из жизни одного завода. В цехе, где собирают экскаваторы, работает старый мастер Горюшин, нечутко относящийся к молодежи. На одном производственном совещании он чуть было не зарезал рационализаторское предложение молодого сборщика Николая. Но случилось так, что Горюшина придавило станком, и его увезли в больницу. Тем временем Николай провел в жизнь свое предложение и ускорил сборку экскаваторов, а также удешевил их стоимость на 28,7 процента. Колю премируют, и приходит его поздравлять старик Гаврюшин, который уходит под веселую весеннюю песню на пенсию.

III. МОИ ПРИЯТЕЛИ АРТИСТЫ

Это будет ужасно смешная кинокомедия из жизни самодеятельности. В Доме культуры репетирует ансамбль песни и пляски. Гордость ансамбля — певица Погорелина не умеет дружить и сама плохо поет. Но однажды ей на голову (смешной трюк!) упал штанкет, и Погорелину увезли в амбулаторию. Что делать? И тут на помощь ансамблю приходит уборщица-поломойка Настя. Все смеются над ней, думая, что она не сможет. Но Настя смогла. Она вступает в ансамбль, и в нее влюбляется певец Митя Галюлюй, с которым она исполняет дуэт и имеет грандиозный успех. На премьеру приходит обозленная Погорелина, но, услышав чарующий голос Насти, она отдает ей все свои песни и весело, жизнерадостно уходит из ансамбля на пенсию.

ПОПРАВКА В ТРИ СЛОВА К СПЕКТАКЛЮ «В ЭТУ НОЧЬ НИКТО НЕ УСНУЛ»

Весь актерский состав
тишину не спугнул.
Упоительный сон
заразителен!
В эту ночь
(в этом зале)
никто не уснул...
За исключением зрителей.

ПИСЬМО В ДИРЕКЦИЮ ТЕАТРА

Мы, колхозники колхоза «Во весь колос», выражаем благодарность вашему театру за постановку в нашем колхозе колхозной пьесы. Общее мнение: пьеса нужная, правильная, нацеливает на борьбу за урожай.

Обидно только, что после спектакля не было никакой художественной части...

КРИВОЕ КИНОЗЕРКАЛО

НА СПЕВКЕ

Вступив с традициями в спор,
Он в пьесу ввел античный хор.
Пред вами запевалы хора —
Четыре мощных режиссера.
Поют: Г. Товстоногов, М. Кедров, Н. Охлопков, Е. Симонов.
Дирижер А. Арбузов.

ДОСТОЕВСКИЙ:

Нет, я не Пырьев, я другой...

АНТРАКТ

Пьеса в настроением: хорошим у автора и плохим у зрителей.

***

Драматург Вообщехов.

***

Он был уже в том возрасте, когда пишут для юного зрителя.

***

Пьеса замедленного действия: тошнит от нее только на второй день.

***

Осторожнее! Не напорись на гвоздь сезона!..

ТЕАТРУ имени ПУШКИНА

Я похвалою
тебя не пожалую,
Имя — большое,
успехи — малые.

ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ

Андре МОРУА,
французский писатель,
академик

Когда я был совсем юным лицеистом, один из моих преподавателей подарил мне как-то в конце учебного года книгу. Книга называлась «Русская душа». Это был сборник рассказов Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Горького, Чехова. На первой странице мой преподаватель написал: «Если тебе суждено когда-нибудь стать писателем, пусть образцом для тебя будут эти великие авторы».

Его пожелание исполнилось. Разумеется, не только они были для меня образцом. Я горячо восторгаюсь и французскими писателями, а также писателями английскими, но сохранил на всю жизнь особенно теплые чувства к русским романистам. Если меня попросят назвать лучший роман всех времен, я, несомненно, скажу: «Война и мир» Толстого; если меня попросят назвать драматурга, пьесы которого наиболее близки моему сердцу, я, быть может, скажу: Чехов. Это не помешало мне отвести очень много места в сердце Бальзаку и Стендалю, Мольеру и Шекспиру. Но, читая Толстого, я как бы отдаюсь на волю могучей и спокойной реки. Эта река — сама жизнь.

Связи между русской и французской литературами установились очень давно. Нет чтения более увлекательного, чем переписка Екатерины Великой с Дидро, Вольтером, Д'Аламбером. Она читала «Дух законов» и Энциклопедию, она поддержала Дидро, когда этот великий писатель оказался в стесненном положении: купила библиотеку Дидро и предоставила ее в распоряжение писателя, назначив его библиотекарем. Она долго переписывалась с Вольтером, писала ему, что в дни болезни лучшим лекарством для нее было чтение «Кандида». В XVIII веке многие русские бегло читали и говорили по-французски.

В XIX веке следует различать два периода. В первом — влияние французских писателей в России было очень велико. Во втором — французы в свою очередь открывают русских писателей. Этим они обязаны нескольким литераторам. Мериме открывает Пушкина, Гоголя; Мельхиор де Вог знакомит французов с Толстым, Достоевским; что же касается Тургенева, то он жил постоянно в Париже и появления его книг ожидали во Франции с не меньшим интересом, чем в России. Этот добрый великан, в котором славянское обаяние сочеталось с блестящей европейской культурой, многие годы как бы представлял во Франции русскую литературу.

Каково было взаимное влияние французов и русских? По правде говоря, это было не столько влияние, сколько сродство. Надо сказать, что французская культура получила в России распространение настолько широкое, что писатели, как и драматурги, впитывали ее с материнским молоком. Но они, конечно, привносили в нее что-то специфически русское, что-то, говорившее о нежной и эмоциональной русской душе. Обратимся, например, к романтизму. Бесспорно, что Пушкин вдохновлялся творчеством западных романтиков (впрочем, наибольшее влияние имел на него Байрон), но он очень быстро освободился от свойственной им романтической выспренности. Последние главы «Евгения Онегина» — это только Пушкин, это только Россия. Вполне очевидно также, что «Отверженные» Виктора Гюго дали Толстому прототип одного из его героев, но черно-белые рисунки Гюго отнюдь не похожи на очень мягкую по колориту, правдивую живопись «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Распространено мнение о том, что в России поколение писателей западной ориентации, типичным представителем которых считают Тургенева, — писателей, находившихся под сильным влиянием Флобера, а позже Мопассана, — сменилось другим, которое не желало признавать ничего, кроме славянства, и властителем умов этих писателей был Толстой.

Мне лично истинное положение представляется более сложным. Все русские писатели XIX века читали французских авторов, почти все бывали во Франции, но все они, даже наиболее заядлые «западники», познали подлинное вдохновение только на родине. Есть ли что-либо более русское, чем «Записки охотника», «Рудин», «Отцы и дети»? Гоголь бывал в Европе, но что создал он там? А его «Мертвые души» насыщены духом славянства.

Каково же основное различие между русскими и французскими писателями? Мне кажется, что у нас, во Франции, со времен классицизма XVII века всегда любили четкость формы и определенность сюжета, который можно сформулировать в нескольких фразах. Таковы и трагедии Корнеля, и романы Вольтера. В России, напротив, роман — это кусок действительности, выхваченный из живой жизни вместе со всем, что в ней содержалось. В русском романе жизнь захлестывает людей своим бурным потоком. В романе Бальзака событиями управляет человек. Но французские и русские писатели полезны друг другу именно потому, что они так различны. Каждая страна дает другой что-то новое. Для того чтобы получить новые сорта фруктов или цветов, нужна гибридизация. Это относится также к литературе и искусству. Бесспорно, «Отверженные» немало дали Толстому, но бесспорно и то, что пример Толстого дал Роже Мартен дю Гару мужество написать «Семью Тибо». Чехов в молодости подражал французским рассказчикам, но в рассказах Чехова и его пьесах мы увидели поэтичность, неизъяснимое обаяние, глубину, которые вдохнули в нас желание писать с такой же волнующей и прекрасной простотой. В эпоху, более близкую к нам, влияние русских писателей во Франции еще усилилось. Флобер и его друзья исповедовали принцип «искусство для искусства», — это раздражало Толстого. Ведь в центре внимания большинства русских писателей были моральные и социальные проблемы. В этом отношении им были близки французские писатели поколения 20-х годов. Натурализм Золя и его учеников не удовлетворял русских романистов, не удовлетворяет он и нынешних французских писателей. И мы тоже стремимся к большей поэтичности, к большей глубине чувств, стараемся, чтобы они появились в наших книгах, на нашей сцене. Я слышал, что русский народ много читает в переводах французских писателей, что любимые его авторы — Гюго, Бальзак и Стендаль. Этот выбор свидетельствует о хорошем вкусе. Стендаль, быть может, наиболее близок великим русским романистам (хотя различий между ними, конечно, очень много). Битва при Ватерлоо, увиденная глазами героя «Пармской обители» — Фабрицио, напоминает картину Бородинского сражения в «Войне и мире». Жюльен Сорель в «Красном и черном» — это как бы французский Базаров из романа «Отцы и дети» Тургенева. Что касается Бальзака, то он похож лишь сам на себя, но его «Человеческая комедия» приобретает общечеловеческое значение, воспринимается как всеобъемлющая картина из жизни общества, так же как и романы Толстого.

Ничто не может помочь народам понять друг друга лучше, чем знакомство с великими произведениями, отражающими их сущность. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Шолохов и многие другие русские писатели не научили меня, конечно, читать русскую душу, но научили меня понимать ее, чувствовать, что есть в ней струны такие же, как и в душе нашего народа. Благодаря нашим великим писателям советские читатели знают, что за рубежами их страны живут мужчины, женщины и дети, похожие на них, желающие счастья семьям и народам, спасения человеческому роду.

Нужно теперь, чтобы эти вековые связи продолжали развиваться и в наши дни. Нужно, чтобы в каждой из наших стран переводили лучшие книги, написанные в другой; нужно, чтобы эти книги стали общим достоянием и продавались по ценам, доступным всем. Нужно, чтобы писатели обеих стран посещали друг друга, могли убедиться в том, что их читают и понимают мужчины и женщины, которые, как и они, желают мира, как и они, восхищаются гениальными произведениями литературы.

По случаю визита Н. С. Хрущева в Париже экспонировались два чудесных письма. Одно из них было написано Роменом Ролланом — тогда студентом — Толстому: «Ответьте мне главное: предназначается ли ваше доброе слово только для русского народа или же для всех нас, французов, для всех страдающих и отчаивающихся?» Другое письмо — ответ Толстого, который благородно отозвался на обращение незнакомого студента: «Дорогой брат! Я получил ваше первое письмо. Оно тронуло мое сердце. Я читал его со слезами на глазах».

Нет, мы не пишем для одной лишь нации, мы пишем для всех, кто хочет нас читать с доверием и горячим желанием понять. Мы не хотим дружить с одним народом в ущерб другому. Мы хотим дружбы со всеми людьми доброй воли. Господин Хрущев сказал во Франции в одном из своих выступлений: «От увеличения числа друзей еще ни одно государство не проигрывало. У нас есть мудрая поговорка: не имей сто рублей, а имей сто друзей. И мы хотели бы, чтобы друзья Франции стали нашими друзьями, а наши друзья стали друзьями Франции». Писатели всех стран хотят, чтобы дружба эта стала возможной благодаря улучшению взаимопонимания.

ПАРИЖ, 15 апреля. (По телеграфу)

ФАРС, ИМЕНУЕМЫЙ СУДОМ

Десять дней назад агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл широковещательно объявило, будто в обвинительном акте против группы греческих демократов, обвиненных в «государственной измене», «содержатся убедительные доказательства их шпионской деятельности». А через пять дней генеральный прокурор заявил на процессе, что он «не может выдвинуть против них (подсудимых) обвинение в шпионаже».

Всего пять дней понадобилось, чтобы с треском полетели ширмы в афинском театре марионеток, именуемом судом. Но ничем не смущающийся хозяин продолжает свое «действо»: ведь деньги-то плачены! Постыдная комедия суда продолжалась до 13 апреля; шестеро обвиняемых — Эритриадис, Филинис, Триандафилу, Кукулу, Парцалиду (Власси) и Эритриаду — приговорены к пожизненному тюремному заключению только за то, что, по мнению суда, они «готовы стать шпионами». Больше того, готовится очередной акт фарса: агенты асфалии спешно репетируют свои роли, то бишь показания, чтобы выступить на позорных судилищах над большой группой греческих демократов — участников сопротивления фашизму, борцов за мир и демократию — по тому же обвинению в «шпионаже». Они торопятся: до 26 апреля, когда начнется «процесс», осталось совсем немного.

Лопнувшие ширмы обвинения зато показали закулисные нити, при помощи которых марионетки приводятся в действие, и направление, откуда эти нити тянутся. Всему миру известно, что недавний визит боннского министра войны Штрауса закончился еще большим сплочением милитаристов обеих стран. Еще в начале апреля греческий министр иностранных дел Авероф намекал, что правительство Греции всей душой готово «уступить» западногерманским реваншистам военные базы на территории страны. Греческое правительство предоставляет Бонну дешевую рабочую силу для использования на военных заводах. В ходе последних политических дебатов в греческом парламенте прямо было заявлено, что «Советский Союз стал экономически опасным», что история возложила на Западную Германию «миссию защиты» и что поэтому ФРГ «будет в будущем (читай: теперь) союзником Греции».

Давно не было таких трогательных объятий между козлищем и волком!

Не удивительно, что теперь греческое правительство всячески старается подчеркнуть свою враждебность к Советскому Союзу и странам социализма. В своем последнем выступлении в парламенте премьер-министр Караманлис, начав с оскорблений в адрес соседних Албании и Болгарии, перешел затем к клеветническим измышлениям по поводу советской внешней политики. Заявив, что «в коммунистических странах нет свободы» (!), Караманлис дал понять, что греческое правительство не только не намерено ослаблять «холодную войну», но и усилит ее. В связи с этим греческая буржуазная газета «Атинаики» писала на днях: после выступления Караманлиса «сложилось мнение, что греческое правительство намерено придерживаться «более жесткой» позиции, что его не затронула разрядка напряженности в мире».

Все это вызывает глубокое возмущение как в Греции, так и во всем мире. С протестами выступают не только рядовые греки, но видные политические деятели, члены парламента.

ДЕНЬ ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ

Анна ВАЛЬЦЕВА

Солнечным апрельским днем на Красной площади у Исторического музея собралось около ста мужчин примерно одного возраста: сорока — сорока пяти лет. Многие из них при встрече горячо обнимались, целовались, некоторые, не скрывая слез, плакали. Прохожие останавливались, с удивлением смотрели на эту трогательную встречу. Бывалый фотограф, решивший запечатлеть ее на пленке, с трудом справлялся с аппаратом, на глазах его блестели слезы...

Минута была значительная, дорогая это была минута...

На Красной площади собрались бывшие узники фашистского концлагеря Бухенвальд, члены подпольной антифашистской организации. Собрались, отмечая 15-летие вооруженного восстания в лагере, день, как они называют, своего второго рождения...

...Бывает оружие образца определенного года, бывают и люди, носящие на себе печать определенного времени. В 1960 году можно встретить человека «образца» эпохи военного коммунизма или первой пятилетки. Ветераны-комсомольцы и в шестьдесят лет сохраняют комсомольский огонек. Как правило, на человеке отпечатывается время наибольшего его расцвета, наиболее напряженного отрезка жизни, когда он бывает особенно полезен людям.

Люди, собравшиеся на Красной площади, — разные люди, но было в них общее. Речь идет не о том, что возраст и испытания сказались на их внешности. Общим было другое. Собрались советские люди, в нечеловеческих условиях фашистского лагеря сохранившие достоинство, мужество, боеспособность, сумевшие сплотиться, добыть оружие и с ним в руках завоевать себе свободу. Перед аппаратом застыли бойцы, и ныне находящиеся в строю.

* * *

Накануне они встретились у одного из товарищей на даче в Подмосковье. Стоит ли говорить об атмосфере взволнованности и высокой радости, царившей здесь! Ведь многие не встречались с тех самых дней, с апреля 1945 года.

На круглом столике кто-то раскинул карту Бухенвальдского лагеря, сделанную на синьке.

— Вот наш седьмой блок!

— Вот каменоломня...

— Вот крематорий, ворота, аппельплатц...

Люди принесли с собой свои личные архивы, рассматривали фотографии, вырезанные из старого английского журнала. Среди изображенных там до ужаса истощенных людей узнавали себя. Кто-то читал вслух письма, полученные из Германии от немецких коммунистов — товарищей по лагерю.

С тревожной радостью вглядывались друзья друг в друга. Они приехали сюда из разных концов страны, эти разные люди, дружба которых скреплена кровью погибших, годами плена, совместной борьбой.

Доктор Гурин из Винницкой области сидел рядом со слесарем 8-го разряда Леонидом Орловым (Иосем), живущим в Днепропетровске, ленинградец Александр Павлов, инженер-электрик, — с цирковым артистом Яном Гофтманом, приехавший из Таджикистана учитель Сергей Дмитриевич Котов — рядом с москвичом подполковником Назировым, электрик Алексей Лысенко из Пятигорска — с Валентином Логуновым, бухгалтером из Рязани.

О чем они разговаривали, о чем вспоминали?

О ложном ли карантине по поводу сыпного тифа, якобы вспыхнувшего в лагере? Врачи-заключенные привили двум «добровольцам» усиленную дозу сыворотки. Карантин сорвал отправку большой группы заключенных на военное предприятие.

О самодельных ли гранатах, сыгравших свою роль в последние дни плена?

О сложной системе саботажа на военных заводах, где работали заключенные?

О самими собранном радиоприемнике, связавшем узников с большим миром и давшем возможность получать вести с фронтов?

Об организации боевых подразделений в лагере?..

На диване сидят три друга: инженер из Новосибирска Николай Симаков, Степан Бакланов, строитель из Братска, и Михаил Левшенков, педагог из Новоржева. О Симакове я уже однажды писала*.

Встреча на Красной площади узников фашистских концлагерей в связи с пятнадцатилетием освобождения. Фото М. Трахмана

Этот сибиряк-пограничник раненым попал в Бухенвальд и пробыл там около четырех лет. Он стоял во главе советской подпольной организации. Степан Бакланов возглавлял военный сектор, Михаил Левшенков — сектор агитации и был редактором подпольной газеты «Правда пленных».

На встрече не хватает четвертого их товарища — осмотрительного Николая Федоровича Кюнга, отвечавшего в лагере за сектор безопасности. В эти дни Кюнг находился в Германской Демократической Республике. Там, в Бухенвальде, на месте бывшего лагеря, он выступал от имени советских людей — бывших узников фашизма перед 60 тысячами антифашистов, собравшихся, чтобы отметить День освобождения.

Жаркая беседа трех друзей привлекла и других товарищей. Речь шла о борьбе в условиях плена; должны ли были пленные любой ценой добиваться побега из неволи? Но ведь не отовсюду можно было бежать. И бывали случаи, когда побег одного-двух человек оплачивался морем крови. За плечами почти всех собравшихся здесь были попытки бежать. Чаще всего это происходило в первые дни плена. На прифронтовой полосе. Пока каждый был сам по себе. Но побег из лагеря типа Бухенвальда, находящегося в глубине вражеской территории, лагеря-крепости, стал реален лишь в конце войны. Однако с первых же дней оказалось возможным другое. Опыт бухенвальдского подполья показал значение организованного сопротивления пленных. Больше, чем голод, издевательства, каторжный труд, удручало людей сознание собственного бессилия. Возможность участвовать в борьбе с врагом, возможность, находясь в плену, быть полезным Родине, заставляла человека собрать все свои силы, заставляла совершать чудеса. Да, опыт бухенвальдского подполья показал, что такое организованное сопротивление пленных. Это — и сохранение жизней товарищей, и саботаж, и выпуск бракованной продукции на предприятиях, и создание арсенала, и военное обучение, и реальность вооруженного восстания.

Были ли побеги из Бухенвальда? Были. Но совсем не такие, как это принято изображать в романах и рассказах. Организация выводила людей из лагеря для совершения диверсионных актов на железной дороге или в ином месте. Агитгруппы или связисты перебрасывались в другой лагерь. Не раз тех, кому угрожала смерть, под чужой фамилией переправляли в один из филиалов Бухенвальда, а уж оттуда они бежали... Для этого использовались перегруппировки заключенных, формирование рабочих команд, отправка транспортов. Все это было возможно осуществить лишь при наличии организации. Организация коллективной борьбы — это главное!

В других лагерях были массовые побеги. Но какая кропотливая, напряженная работа предшествовала им!

Успех организованной борьбы как в Бухенвальде, так и в других лагерях объяснялся монолитностью масс. Воспитанные Коммунистической партией, советским обществом, советские люди и в плену оставались сплоченными!

Подлинный герой не рассчитывает на награду. Тем выше цена подвига. Советские люди вели себя в неволе в соответствии со своим мировоззрением.

12 апреля сорок пятого года, стоя на аппельплаце, уже свободные, они дали клятву не прекращать борьбы, пока перед судом правды не предстанет последний фашистский преступник.

12 апреля шестидесятого года прямо с Красной площади они пошли в здание Политехнического музея и там вместе с бывшими узниками других гитлеровских лагерей повторили клятву, данную пятнадцать лет назад. Не забывать и не позволять забыть другим!

Потрясающий был это вечер. В зале сидели бывшие узники из десятков лагерей. Какие там были лица! Сколько изуродованных людей, в шрамах, без рук, на протезах, но это были не инвалиды, это были борцы!

Непрерывно поступали в адрес собрания приветственные телеграммы — из Веймара, Варшавы, Берлина, Маутхаузена, из Сибири, Евпатории, Воронежа, Горношахтерска...

Не забывать и не позволять забыть другим!

Пока не поздно, обуздать боннских реваншистов! Об этом говорил с трибуны собрания Александр Лебедев, чей портрет висит сейчас в музее Освенцима, этого лагеря смерти, где было загублено более четырех миллионов человеческих жизней, об этом говорили Александра Сокова — бывшая узница женского концлагеря Равенсбрюк, Николай Симаков — руководитель советского антифашистского подполья в Бухенвальде, Валентин Сахаров из Маутхаузена.

До войны об этих людях никто не знал. Сейчас переполненный зал Политехнического музея дрожал от аплодисментов, собравшиеся стоя приветствовали героев, потрясенные их высоким душевным накалом, их жизненным подвигом, их готовностью продолжать борьбу.

...Говорят, есть цветы, что расцветают в морских глубинах. Люди их никогда не видят. Только когда шторм перебаламучивает море, глубинная волна выносит это чудо на берег, и люди останавливаются, пораженные прекрасным цветением...

* «Литературная газета» от 14 января 1960 г.

Время, события, люди...

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

НЕПРОМЫТЫЕ МОЗГИ

Что сказали бы вы, если бы вам предложили судить о качестве книги по количеству содержащихся в ней запятых и точек?

— Чушь! — сказали бы вы.

Однако американец Мерилл Рут считает, что подобный счетно-арифметический метод должен применяться при чтении. Поке он, правда, призывает иметь дело не со знаками препинания, а с именами собственными. По свидетельству газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», недавно Рут опубликовал «труд» под заглавием «Промывание мозгов в средней школе». В нем он дает практические советы, как бороться с «подрывной деятельностью» и распознавать «красную крамолу» в школьных учебниках.

Читаете вы, скажем, учебник американской истории. А по ходу дела ведете учет, сколько места уделено тому или иному государственному деятелю. Ага, более демократичному Томасу Джефферсону отведено на десять строчек больше, чем Вашингтону. В таком случае, по мнению Рута, книжка «розовая», то есть подозрительная. Ну, а если Франклин Рузвельт упоминается чаще своих предшественников (хоть он и стоял во главе государства дольше кого бы то ни было), то ясно — учебник воспевает осуждаемый ныне реакционерами «новый курс», что ни в какие ворота не лезет. Книгу надо немедленно изъять и спести американских детей от «коммунистической пропаганды»...

Таковы наставления Рута. Однако с изданием своей книги он запоздал. Во времена маккартизма она, несомненно, имела бы успех. Сейчас же ее встречают смехом! В штате Иллинойс, например, книга вызвала решительные протесты. Один из деятелей законодательных органов штата Поль Саймон применил рецепт Рута к его собственной писанине. Оказалось, что Вашингтон упомянут в книге 87 раз, а Джефферсон — 145. Следуя ущербной логике Рута, заявил Саймон, его книга явно «розовая», а посему должна быть истреблена...

В хорошем «промывании мозгов», несомненно, нуждается прежде всего сам Мерилл Рут!

КРИЗИС «ПЕТУШИНОГО СЛОВА»

В некоторых странах некоторые деятели много дали бы за хороший самоучитель, наставляющий, как разжалобить Америку, чтобы получить от нее экономическую или военную помощь. Но печатные руководства на сей счет отсутствуют, и искателям помощи приходится нащупывать пути, так сказать, опытным порядком.

А опыт подсказывает, что если прямо так попросить, то нетрудно нарваться на холодное «бог подаст». Вот почему лица, претендующие на заокеанское расположение, долго и мучительно отыскивали здакое «петушиное слово», коим можно было бы безошибочно затронуть слабую струну в душах вашингтонских распорядителей кредитов.

В конце концов магическое заклинание было найдено. «Нам угрожают Советы», — стоило произнести эти три бессмысленных слова, как из Вашингтона доносился ласкающий ухо просителей звон долларов либо лязг оружия.

Всему, однако, рано или поздно приходит конец... Скудоумный прием с «петушиным словом» теперь высмеивают даже буржуазные газеты. И в этом — яркая примета времени.

Английская газета «Гардиан» с нескрываемым ехидством пишет: «...Интересно, что как только какое-либо правительство начинает считать, что его недостаточно ценят в Соединенных Штатах... оно раскрывает «советский заговор».

«Гардиан» приводит примеры, показывающие, как с помощью «петушиного слова» просители выклянчивали американскую поддержку.

Представитель мятежников в Индонезии, «к будущему которой Америка стала проявлять меньший интерес», заявил, будто Советский Союз намерен договориться с Индонезией «о создании военно-морской базы на острове Амбоина».

Прежние правительства Пакистана «обычно время от времени обнаруживали, что Индия дала в Ладакхе пристанище советскому аэродрому».

Когда выдвигавшиеся «шесть обоснований для англо-французского вторжения в зону Суэцкого канала не произвели впечатления на американцев», прибегли к доводу № 7, а именно: Россия якобы собирается «захватить Средний Восток»...

Не будем скрывать, нам приятна издевка английской газеты над «петушиным словом». Ведь так можно смеяться только над чем-то очень глупым и безнадежно устаревшим!

ПЕДАГОГИ С ПАЛКОЙ

С 1 апреля учителям гамбургских школ разрешено сечь учеников. Эта ошеломляющая весть — отнюдь не первоапрельская шутка. Как сообщают «Франкфуртер альгемейне» и другие немецкие газеты, согласно новой «Инструкции учителям общественных школ», изданной сенатом Гамбурга и вступившей в силу 1 апреля, в школах вводятся телесные наказания.

Свыше ста лет назад вышла едкая сатира «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского» Георга Веерта — выдающегося немецкого революционного писателя, друга Маркса и Энгельса. Упоминая в своем памфлете о немецких ландскнехтах, Веерт отмечал, что «когда они, повернув ружья, колотили врагов прикладами, физиономии у них были не более свирепые, чем у наших сельских учителей я Гессене или Нассау, когда эти наставники палками вдалбливают деревенским мальчишкам таблицу умножения или катехизис».

Теперь эта стародавняя палочная идиллия снова возрождается в школах, и не в каком-нибудь западногерманском захолустье, а в таком городе, как Гамбург.

Перспектива ознакомления с березовой кашей — этим новейшим продуктом западногерманской педагогической кулинарии, разумеется, мало радует злосчастных школьников.

В § 14 инструкции написано черным по белому: «Если физическое воздействие, после того как будут исчерпаны все другие педагогические средства, окажется безусловно необходимым, оно по зрелом размышлении должно быть применено в умеренной форме».

Разработанная в духе лучших традиций прусской палочной дисциплины, инструкция наставляет учителей, как применять «гарантированно безвредные» розги. Не инструкция, а поэма о порке!

Во-первых, должна применяться только «апробированная врачами камышовая трость единого образца». Во-вторых, экзекутору рекомендуется «не ошибаться в выборе орудия» порки. В-третьих, следует воздержаться от наказания, если «приходится опасаться нанесения ущерба здоровью малолетнего нарушителя».

Все эти оговорки, призванные украсить модернизированные шпицрутены розовыми ленточками, конечно, ничего не меняют в позорном факте узаконения телесных наказаний. О каком применении порки «в умеренной форме» может идти речь, когда в школах происходили скандальные истории, вроде нашумевшего три года назад рюссельгеймского дела?

В Рюссельгейме заместитель директора школы Шванке «обработал» восьмилетнего ученика Манфреда Шульмейера в такой «умеренной форме», что в результате нанесенных ему побоев мальчик скончался. Тем не менее Шванке вышел сухим из воды.

«Атомная политика, которую сегодня вынужден проповедовать западногерманский учитель, — пишет газета «Нейес Дейчланд», — таит в себе столько безрассудства и бесчеловечности, что первой жертвой при этом падает разум. Подобно тому, как государство Аденауэра может проводить свою, враждебную делу мира политику только антидемократическими средствами судебного террора, так и его школьные наставники ориентируются на палку, чтобы вышколить безвольное пушечное мясо...»

Недаром западногерманские школьные библиотеки распространяют среди учащихся такие книги, как «Погибшие сыновья» Э. Двингера с его исступленной проповедью войны против СССР.

Там, где школа превращается в орудие реваншистских поджигателей, закономерно начинает властвовать капральская палка!

В Советский Союз на гастроли прибыла группа нью-йоркского театра «Марк Хеллингер». Они покажут музыкальную комедию А. Лернера и Ф. Лоу «Май фэр леди».

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б — 02491